

Сладкий

ЛЖЕЦ

КРИСТЕН КАЛЛИХАН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*

Кристен Каллихан
Сладкий лжец
Серия «Freedom. Сенсационные
любовные романы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852070

Сладкий лжец: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-193922-9

Аннотация

Когда-то у меня была прекрасная жизнь. Я известная актриса, сыгравшая главную роль в популярном сериале. Но все рухнуло в один миг. Я осталась без работы, а мой парень оказался в постели с другой девушкой. Просто класс.

Я решила взять паузу и отправиться залечивать душевные раны в поместье Роузмонт, где живет подруга моей бабушки. Оказалось, что у владелицы поместья есть внук Люсьен. К тому же чертовски привлекательный. Хоккеист в прошлом, сейчас затворник с невыразимой тоской во взгляде. Очаровательный, скрытный и грубый. Несмотря на взаимное притяжение, мы стараемся избегать друг друга. Но ночные прогулки и сладкие десерты Люсьена искушают меня вновь почувствовать вкус жизни...

Содержание

Пролог	5
Люсьен	5
Эмма	12
Глава первая	18
Люсьен	18
Эмма	28
Глава вторая	40
Люсьен	40
Глава третья	58
Эмма	58
Глава четвертая	83
Люсьен	83
Глава пятая	103
Эмма	103
Глава шестая	111
Эмма	111
Глава седьмая	126
Люсьен	126
Глава восьмая	135
Люсьен	135
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Кристен Каллихан

Сладкий лжец

© Серегина Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается тем, кто нуждается в комфорте
и заботе*

Пролог

Люсьен

Мне было пять, когда я сказал родителям, что хочу летать. Они, как я позже узнал, были готовы на все, в пределах разумного, чтобы осчастливить меня. Приняв мою просьбу за чистую монету, они организовали короткий полет на самолете.

– Ну? – спросил папа, как только мы сели на заднее сиденье громкого, вибрирующего гиганта. – Каково это – летать?

Это милый жест и все такое, но я просто сидел. Ведь летел самолет, а не я. Родители пришли в недоумение и бросили это дело. Но не я. Я жаждал летать. В глубине моей души жила жажда полетов, хоть я и не понимал почему. Проблема состояла в том, что мне было невдомек, как же достичь этой цели.

Через два года отец по собственной прихоти записал меня на уроки хоккея. Я зашнуровал коньки и научился. Стал сильнее, лучше, быстрее.

Тогда-то до меня и дошло. Я не мог летать по воздуху, но мог по льду.

Лед.

Я любил лед. Для меня он оказался подобен богине: же-

стокой, холодной, прекрасной, безжалостной и совершенно необходимой. Я хорошо знал ее – этот аромат свежести, беспощадную стужу, звуки, которые она издавала, и плавную поддержку, что она оказывала мне, пока я скользил по ее телу.

Я полюбил ее с первого катания. Она освободила меня, дала цель.

Скользя по льду, я летал. Это не было похоже на свободный полет по воздуху, скорее на гонку, но плавную и такую быструю, что я уже не чувствовал себя обычным человеком. Я был чем-то иным. Богом.

Я так сильно любил летать по льду, что вполне мог бы выбрать иной путь: стать конькобежцем, например. И порой, в выходные, я приходил и просто катался, все быстрее и быстрее.

Однако простое катание не было тем вызовом, в котором я нуждался. Зато хоккей был.

Боже, я обожал хоккей. Каждую его чертову деталь. Стук клюшки о лед, вибрацию от удара о шайбу. Игра говорила со мной, нашептывала мне на ухо, даже когда я спал. Тело гудело, будто я все еще на льду.

Я видел закономерности, схемы. Воплощал их в реальность. Если катание – полет, то хоккей – танец. У меня было пятеро партнеров, и, когда мы работали все вместе, это походило на чертову поэзию. Истинная красота.

Не существовало вещи лучше, чем пустить шайбу в полет

по льду, пробраться сквозь толпу, а затем коротким движением отправить малышку в сетку. Мгновенный экстаз. Каждую. Игру.

Хоккей определил меня. Центровой¹. Капитан. Двукратный обладатель Кубка Стэнли². Впервые – в качестве одного из самых молодых капитанов, чье имя выгравировали на гигантском чудовищно-прекрасном кубке. Затем – лауреат премии Колдера³, обладатель Арт Росс Трофи...⁴ Я могу продолжать бесконечно.

Смысл в том, что хоккей был моей жизнью.

И жизнь эта была чертовски хороша. Моя команда работала как отлично смазанный механизм – ни одного никчемного придурка, который тащил бы всех на дно. Мы вышли в плей-офф, снова боролись за кубок. Он должен был достаться нам.

Ребята это знали. Что-то витало в воздухе – потряскивание электричества, которое щекотало кожу, проникало в суставы и заставляло их дергаться. Мы чувствовали это

¹ Центровой – позиция нападающего игрока, основная зона которого – это середина льда, вдали от бортов.

² Кубок Стэнли – хоккейный приз, ежегодно вручаемый победителю плей-офф Национальной хоккейной лиги.

³ Колдер Трофи – награда, ежегодно вручаемая игроку, наиболее ярко проявившему себя среди тех, кто проводит первый полный сезон в составе клуба Национальной хоккейной лиги.

⁴ Арт Росс Трофи – приз, ежегодно вручаемый хоккеисту, набравшему наибольшее количество очков по системе «гол+пас» в регулярном чемпионате НХЛ.

прежде. И побеждали.

Пока мы надевали снаряжение, Бромми особенно веселился. Его ручища шлепнулась мне на голову и энергично взъерошила волосы.

– Ну и кочан ты себе отрастил, Оззи. Приодеть бы его, как считаешь?

Раньше все звали меня Оззи, из-за моей фамилии – Озмонд. Затем сократили до Оза, отсылка к «Волшебнику страны Оз». Мол, когда я завладевал шайбой, случалось волшебство.

Я проигнорировал вспышку белого света, которая мелькнула в глазах, и то, как грубое обхождение Бромми с моей головой заставило комнату кружиться – всего на секунду, – а после шлепнул его в ответ.

– Не все из нас следят за стилем, Златовласка. Хотя тебе требуется вся быюти-помощь, которую ты сможешь найти.

Парни хохотнули. Бромми широко улыбнулся, демонстрируя отсутствие правого бокового резца. Если бы мне выбили зуб, я бы пошел к врачу и вставил новый, но Бромми нравилось этим хвастаться. Наш левый защитник считал, что это делает его более устрашающим.

Он также любил рассказывать женщинам, что словил малышку в сетку. Дурная идиома, заставлявшая его смеяться каждый раз. Женщины на эту глупость велись, так что я не спорил с его методами.

– Не можем же мы все быть такими красавчиками, как ты,

кэп. – Он потянулся к медали Святого Себастьяна, которую носил на шее, дважды чмокнул ее, а затем снова спрятал под одежду. За этот ритуал я его не винил, поскольку сам проделывал нечто подобное – обматывал клюшки. Все так поступали, и... в общем, я не позволял никому притрагиваться к ним перед игрой. Ни за что.

– Да ладно тебе. Линц тоже красавчик.

Но мы почему-то звали его Уродцем. Поди пойми.

– У Линца нет роскошной девчонки, которая пообещала бы любить его вечно. – Бромми, улыбаясь, толкнул меня локтем.

Я сам едва подавил улыбку.

– Что правда, то правда.

Кассандра, моя невеста, действительно выглядела роскошно. Она любила хоккей, ей нравилось все, что нравилось мне. Мы никогда не ссорились. С ней было легко. Кассандра заботилась обо всем, так что мне не приходилось думать ни о чем, кроме игры. И я это ценил.

Женитьба в мои планы не входила. Но Кассандра была совсем нетребовательной, такой простой, так что, когда она вдруг спросила, собираемся ли мы сделать следующий шаг, я подумал: «Почему бы нет?» Вряд ли я бы нашел кого-то, с кем мог бы так же легко общаться, как с ней. Кассандра стала вишенкой на верхушке моей сладкой жизни.

Парни продолжали обмениваться оскорблениями. Я заклеивал клюшки вместе с Йоргеном, слушая предыгровую

версию «Under Pressure»⁵ в исполнении Марио, и держался подальше от нашего вратаря Хэпа. Свяжешься с ним перед игрой – и считай, что можешь копать себе могилу.

Морально я был готов. Мои физические навыки были отточены до совершенства. Однако откуда-то с задворок сознания доносился новый шепоток, едва узнаваемый отголосок, который мне не хотелось слышать. Я игнорировал этот надоедливый голос с момента последнего сотрясения мозга. Он очень напоминал голос моего врача. Я ненавидел этого парня.

Знаю, ненавидеть людей, которые хотят помочь тебе, неправильно. Но я ненавидел. Ведь что ему вообще могло быть известно? Я знал свое тело лучше кого бы то ни было. Моя жизнь была идеальной. Никто и ничто не могло этого изменить.

Поэтому я затолкал этот жуткий коварный голосок обратно во тьму, из которой он явился.

Мне всегда хорошо удавалось избавляться от вещей, которые не имели значения. *Сосредоточься на призе. Сконцентрируйся на игре. Держи тело в тонусе, а разум – чистым.*

Я проделывал этот фокус, когда начиналась игра. Проделывал каждый раз.

Так продолжалось до тех пор, пока я снова не услышал этот проклятый голос: я был в атаке, и шайба застряла в бор-

⁵ «Under Pressure» (с англ. – «Под давлением») – совместная песня группы Queen и Дэвида Боуи.

ту. Впервые в своей жизни мне пришлось испытать настоящий страх. Он ослепил меня. По коже пронеслась волна гипертвояприятия. Краткий миг. Буквально две секунды, разделившие мою жизнь на «до» и «после».

Я слышал, что в худшие моменты время замедляется. Но со мной так не было.

В один момент я боролся за шайбу, упирался плечом в бортик, чтобы защититься. А в следующий... Удар заставил меня закружиться. Второй удар – двухметровый, стокилограммовый защитник, несшийся на полной скорости, – сбил меня, будто товарный поезд.

Голова впечаталась в стекло, а затем в ней будто взорвалась бомба. И следом раздался злосчастный шепот, транслировавший лишь одну фразу:

Игра окончена.

Гасите свет.

Эмма

Жизнь была хороша. Так вообще можно говорить? Порой мне казалось, что нет. Будто признавая, что я счастлива и все желаемое постепенно плывет мне в руки, я могла сглазить. Но, черт подери, жизнь действительно была хороша.

После многих лет борьбы за то, чтобы стать актрисой – боже, от отчаяния мне пришлось взять роль в рекламе и сыграть девушку с диареей; попробуйте упомянуть об этом в беседе на свидании и посмотрите, что из этого получится, – я наконец-то получила главную роль в популярном телесериале. «Темный замок». Фанаты сходили по нему с ума. И с этой ролью пришла мгновенная слава.

С какой теплотой я вспоминала первую встречу каста. Большинство из нас были новенькими лицами в индустрии, по сути – никем, но мы все жаждали оказаться там. Наш режиссер, Джесс, осмотрелась, и в ее серьезном взгляде что-то мелькнуло – не хочу называть это гордостью, ведь она нас тогда вообще не знала, но, может, теплота и понимание. И она предупредила нас:

– Прежде чем мы начнем снимать, отдохните как следует. Делайте все, что нравится. Потому что после того, как мы запустим шоу, ваша жизнь уже не будет прежней. Приватность станет пережитком прошлого. Каждый раз, когда вы появитесь на публике, кто-то вас заметит.

Мой коллега, Мейсон Сэнт, хмыкнул:

– Как же хорошо, что я отшельник.

Этот мужчина выглядел шикарно в некоем варварском смысле этого слова – вероятно, поэтому его и взяли на роль короля-воителя Арасмуса, – однако отстраненная холодность в его взгляде заставила меня поверить ему.

А потом он влюбился. И великий зануда Мейсон Сэнт преобразился. Принялся постоянно смеяться и улыбаться всем, будто не мог сдержать своего счастья. Это одновременно умиляло и раздражало.

Раздражало потому, что я понятия не имела, каково иметь головокружительные отношения а-ля «Мой партнер делает для меня все, и это просто потрясающе». Я хотела знать, уж поверьте, очень хотела. Но подобное от меня, увы, ускользало.

Джесс оказалась права: наша жизнь изменилась молниеносно. Уединения почти не осталось, но с капелькой удачи и с помощью планирования все же удавалось его достичь. Я все еще выходила погулять время от времени, но никакой гарантии, что меня оставят в покое и не сделают снимка, не было.

С другой стороны, фанаты меня обожали, а милые детишки часто просили сфотографироваться со мной. Это казалось немного странным, учитывая содержание «Темного замка», но я думаю, что их больше интересовала моя роль принцессы Анны, чем сцены секса и обезглавливания.

Не такими уж милыми оказались чудаки, которые любили проводить время, стоя слишком близко ко мне и прося сделать фото. Я научилась сначала класть руку им на плечо, чтобы немного отодвинуть от себя и предотвратить «случайную» попытку облапять.

Жизнь изменилась во многом. Я встретила Грега, супергорячего, приятного в общении футболиста, который меня обожал. Его слова, не мои. Грег поддерживал меня и никогда не жаловался на мой загруженный график. У него он был не лучше, в течение игрового сезона он частенько бывал в разъездах. Но мы справлялись.

К концу третьего сезона «Темного замка» я чувствовала себя комфортно и уверенно в своей роли. Принцесса Аня стала невероятно популярной. Фанаты спрашивали меня и Сэйнта о том, когда наши персонажи, Арасмус и Аня, поженятся. Мы надеялись, что сможем дать ответ в финале сезона. Шансы были высоки. Герои достигли цитадели, и Арасмус наконец сделал Ане предложение руки и сердца.

Ей оставалось лишь принять его, а затем состоялась бы свадьба. Но продюсеры и сценаристы скрывали от нас сценарии премьерных и финальных эпизодов из-за какой-то ультрапараноидальной потребности в секретности, несмотря на то, что мы все подписали соглашение о неразглашении. Это то, что нервировало меня во время съемок в «Темном замке».

– Готова? – спросил меня Сэйнт, когда мы уселись за стол

со сценарием в руках.

– Как никогда, любовничек.

Он фыркнул, но с юмором. Несмотря на суровую натуру Сэйнта, мне по-настоящему нравилось работать с ним. Он никогда не пытался эгоистично захватить сцену. Все мои коллеги по сериалу оказались отличными ребятами. Работа была сложной, но мы справлялись с ней и ладили, как семья. Ну, семья, которая делала все возможное, чтобы уничтожить друг друга на экране.

Когда все были готовы, мы начали читку. Когда мы почти добрались до конца, у меня онемели пальцы и кровь отлила от моего лица. Стало вполне очевидно – Аня умрет.

Я сидела там, одеревенело произнося свои реплики, ощущая жалостливые взгляды своих коллег, позволяя сценарию дойти до финала, в котором злейший враг Арасмуса и Ани отрубает ей голову топором.

И только когда я в полном одиночестве покинула комнату и вернулась в свой трейлер, который уже не буду занимать во время съемок следующего сезона, до меня наконец дошло осознание. У меня больше нет работы. Нет счастливого странства. Моя роль мечты потеряна.

С разбитым сердцем, изо всех сил пытаюсь сдержать страх перед неизвестным, я отправилась домой. Я снимала квартиру в маленьком исландском городке, где велись съемки. Грег приехал и жил со мной с тех пор, как закончился его сезон. Тренировочный сбор еще не начался.

Я с нетерпением ждала долгого отмокания в крошечной ванне и приятных объятий с Грегом, который позволил бы мне поплакать у него на плече и сказал бы, что все будет хорошо.

Только этому не суждено было случиться. Я так погрузилась в собственное горе, что не обратила внимания на звуки из квартиры, пока практически не уткнулась в них. И под «ними» я имею в виду Грегга и молодую официантку, которая два дня назад подавала нам ужин.

Это и вправду довольно странно – наблюдать задницу своего бойфренда между широко раздвинутыми бедрами другой девушки. Неужто он и на мне так же выглядел? Потому что, должна сказать, смотрелся он весьма нелепо, толкаясь там, будто обезумевший кролик. Если честно, мне никогда не нравился этот его метод. Я редко кончала, когда он долбил меня так, словно я кусок мяса. Его партнершу это, кажется, устраивало. Может, она притворялась, а может, и правда наслаждалась происходящим. Как бы то ни было, ее восторженные крики стихли, едва она заметила меня. Лицо стало белым как простыня.

К сожалению, Грегу понадобилось чуть больше времени, чтобы понять, что она застыла под ним. Он всегда был слегка эгоистичным любовником. Когда Грег наконец заметил меня, на его лице не дрогнул ни один мускул. Он оставался спокойным, как удав, наблюдая за мной через плечо и даже не пытаясь слезть с девушки.

Тишина обрушилась будто молот. Или топор. Почему нет? В этот день топор мог загубить больше чем одну вещь. Грег дважды сглотнул, его взгляд скользнул по мне. Словно он не мог до конца поверить, что я здесь. В моем собственном доме.

Когда Грег заговорил, его голос немного дрогнул:

– Ты рано.

Я могла сказать многое. Или даже закричать. Заплакать. Но я стояла там, совершенно онемевшая. Поэтому сказала единственное, что смогла:

– Забавно, а мне кажется, я как раз вовремя.

И вот так просто моя бережно выстроенная жизнь, которой я так гордилась, превратилась в кучу пепла.

Глава первая

Люсьен

Лишь одну истину я усвоил в жизни: нежная забота любящей женщины – лучшее спасение, когда твоя душа разбита. Конечно, я не думал, что женщина, к которой я побегу, – это моя бабушка. Да, она всегда любила меня. И да, ее дом, Роузмонт, всегда служил мне отличным убежищем. Но печальная правда заключалась в том, что у меня больше ничего не осталось. Моя невеста ушла, карьера сгинула, и я оказался сломлен.

Итак, я остался в Роузмонте. На побегушках у бабули. Таковой вещи, как приватность, для нее никогда не существовало. Вмешательство не ее второе имя, но должно быть им.

Ее чудный, музыкальный тон голоса удивительным образом пересилил звук молотка.

– Мне сказали, что кто-то создал чудесную штучку под названием «пистолет для гвоздей», Титú.

Подавив вздох, я отложил молоток и, повернувшись, обнаружил бабулю стоящей у основания лестницы. Она положила руки на широкие бедра, а ее тонкие красные губы изогнулись в нежной, но укоризненной улыбке.

– Мне нравится молоток.

Ее зеленые глаза озарились блеском.

– Мужчине не следует так сильно привязываться к своему инструменту, отгораживаясь от всего остального мира.

Господи Иисусе. Вот такой теперь стала моя жизнь – сплошные улыбки сквозь зубы в попытках выдержать развратные шуточки от моей грешной бабушки.

– Ты что-то хотела, Мамі⁶?

Не сумев вывести меня из равновесия, она вздохнула, и ее плечи поникли. Она надела один из своих шелковых восточных халатов, и, когда поднимала руки в негодовании, это выглядело так, словно внутри оранжево-синей занавески торчит маленькая голова.

Я подавил усмешку. Если бы она догадалась, почему я улыбаюсь, то весь остаток дня пребывала бы в ярости.

– Ты помнишь Синтию Марон?

– Не особо.

– Она моя очень дорогая подруга. Ты встречал ее однажды, когда тебе было пять.

Типичная Мамі, социально-активная бабочка, порхающая от человека к человеку и помнящая всех, кого когда-либо встречала. Я даже не стал говорить, что не у всех есть подобный талант.

– Допустим.

Я не понимал, куда она ведет, но, так или иначе, бабуля сказала бы:

⁶ La mamie (фр.) – бабушка, душенька.

– У Синтии есть внучка. Эмма. – Мама́ тихонько фыркнула. – Бедняжке в последнее время пришлось тяжело, и она нуждается в отдыхе.

– И она едет сюда?

Дом не принадлежал мне. Мама́ имела право приглашать кого захочет, но, черт подери... Я ведь приехал сюда, чтобы сбежать от всего. Включая гостей.

– Ну конечно же, – хмыкнула Мама́. – Зачем еще мне об этом говорить?

Я не мог жаловаться.

Роузмонт всегда был убежищем для тех, кто в нем нуждался. Массивное поместье эпохи испанского Возрождения с несколькими гостевыми домиками находится у подножия гор Санта-Инес в Монтесито⁷. Залитая золотым калифорнийским солнцем обширная территория, благоухающая пьянящим ароматом роз и свежих лимонов, возвышается над Тихим океаном. Быть в Роузмонте означает быть окруженным изяществом и красотой. Для меня Роузмонт всегда служил укрытием. Местом для восстановления. Приглашенные Мама́ люди в течение многих лет находили здесь исцеление.

– Просто спросил, – проворчал я, внезапно почувствовав себя озлобленным четырнадцатилетним мальчишкой, которым был, когда впервые приехал сюда.

⁷ Монтесито – невключенная территория в округе Санта-Барбара, штат Калифорния, расположенная к востоку от города Санта-Барбара. Одно из самых престижных поселений на Западном побережье, где проживают многие знаменитости.

Бабушка снова раздраженно фыркнула, а затем отмахнулась от моей грубости, хлопнув в ладоши.

– Она приезжает сегодня. Думаю, можно выпить кофе с пирожными. Где-то часа в четыре.

Я понял, к чему все идет. Но сыграл дурачка. Отчасти потому, что по спине от страха пробежали мурашки, отчасти из-за того, что не хотел взбесить бабушку. Ах, эта наша игра. Осознание того, что это единственная игра, в которую я отныне могу играть, опустило планку моего настроения быстрее, чем камень мог бы упасть в темный сырой колодец.

– Ладно. – Я спустился с лестницы. – Хочешь, чтобы я на время твоей мини-вечеринки прекратил работу?

Последовала череда приглушенных французских ругательств, а за ними – резкий щипок в бок, который чуть не заставил меня вскрикнуть. Глаза Маи превратились в узкие щелочки.

– Ох и испытываешь ты меня в эти дни, Титú.

В горле застрял ком сожаления. Я и правда вел себя невыносимо. Маи осталась единственной, кто терпел меня. Мне все это было известно. То, что я не мог справиться с собой, выбраться из этого состояния, стало проблемой. Вся моя жизнь скатилась в дерьмо. Большую часть времени я только и делал, что старался не вопить до срыва голоса. А разговаривать лишь по необходимости казалось лучшим, самым безопасным решением.

Я даже не мог извиниться перед бабушкой. Гигантский

комом застрял где-то в грудной клетке.

Она снова вздохнула. Уставилась на меня своими холодными зелеными глазами, тенью моих собственных. Люди порой говорили, что они у нас как отражения – абсолютно идентичные. И что взгляд этих глаз может запросто разрубить человека пополам. Что ж, не совсем неверное утверждение. В этот миг я чувствовал себя порезанным на куски.

Ее холодные узловатые пальцы на мгновение коснулись моей щеки, и я поборол желание вздрогнуть. Мне больше не нравилось, когда люди прикасались ко мне. Совсем.

Рука опустилась вниз, и бабушка изменила позу.

– Ладненько. Надеюсь, ты присоединишься к нам.

– Нет.

Идеально выщипанные брови приподнялись.

– Нет?

Я почувствовал себя двухлетним ребенком. И таким раздраженным. Проведя рукой по лицу, попробовал снова:

– В конце концов, я случайно оскорблю твою гостью или испорчу все каким-то иным способом.

Я не лгал. Я потерял способность очаровывать; она вытекла из меня и не вернулась. Иногда я думал об этом, о том, как изменился так сильно, так быстро, что больше не чувствовал себя в своей шкуре.

– Уверена, наша гостя сможет как-нибудь с тобой ужиться, – сухо подметила Мамі.

Не ведись.

– И почему же?

Ну вот, повелся. Черт подери.

Она самодовольно улыбнулась своей победе.

– Она ведь Эмма Марон. Ты знаешь ее, верно?

Эмма Марон. Имя медленно пританцовывало в моем несчастном измученном мозгу. Я точно знал его. Но откуда? Эмма... Образ девушки с большими, цвета индиго глазами лани и пухлыми губками внезапно всплыл в мыслях. Овальное личико, белые волосы с ярко-синими кончиками.

Узнавание резко ударило меня под дых. Принцесса Аня. Эмма Марон – одна из звезд сериала «Темный замок». Утонченно-красивая, но жестокая принцесса Аня, которая возглавила армии вместе со своим возлюбленным Арасмусом, королем-оином. Ладно, я был фанатом. Фанатом шоу. Шоу с как минимум четырьмя основными сюжетными линиями. Удивительно, что мне потребовалось так много времени, чтобы вспомнить ее имя. Хотя... мой мозг уже не был так здоров, как прежде.

– Ты пригласила сюда актрису?

– Мне говорили, что известные личности предпочитают зализывать раны в уединении, – невозмутимо заявила Мамй. Очко в ее пользу.

– Зачем ей зализывать раны? – Я чувствовал себя обязанным спросить. – Она звезда одного из самых популярных сериалов.

– Уже нет. Бедняжка. По всей видимости, ее убрали из

шоу. Какой-то злобный волшебник отрубил ей голову топором в финале сезона.

– Ни черта себе.

Если честно, эта новость меня шокировала. Аня была безумно популярна. Финал сезона еще не вышел в эфир, но я предположил, что вокруг этой ситуации непременно возникнет шумиха.

– Следи за языком, Титú.

– Прошу прощения, Мамí.

Эта женщина сквернословила чаще, чем я, однако она по-прежнему оставалась моей бабушкой.

– Хм-м. – Она быстро глянула на меня. – Кажется, я слишком много сказала. Эта информация строго конфиденциальна. Ей достанется, если хоть слово выйдет наружу.

– Кому я скажу? – Я указал на поместье, где в последнее время проходила вся моя социальная жизнь, и на пустующие прилежащие территории. – И то верно. Теперь ты понимаешь, почему для нее это идеальное место? У нас тут абсолютное уединение.

– Если ей необходимо уединение, для меня это еще одна причина не попадаться ей на глаза.

Последнее, в чем я нуждался, это в общении с красивой белокурой актрисой.

– Тьфу! – взмахнула она рукой.

– Мамí, – устало начал я. Усталость теперь стала моим вечным спутником. – Ответ «нет». Я не собираюсь ни с кем

общаться. Буду держаться подальше, не вмешиваться в твои дела и поменьше стучать, пока вы там едите, лады?

Мы уставились друг на друга. Мимо уха пролетела пчела. Я не дрогнул. Что бы ни увидела Мамі в выражении моего лица, это заставило ее смягчиться, и она покачала головой.

– Что ж, хорошо. Приму ее в одиночестве. Хотя я понятия не имею, чем заинтересовать юную леди.

Моя бабушка самый яркий, самым жизнелюбивый человек, которого я когда-либо встречал. И, учитывая мою профессию, это кое-что да значит. Сердце пронзила боль. Мою прежнюю профессию.

Я наклонился и поцеловал Мамі в щеку.

– Уверен, ты что-нибудь придумаешь.

Она что-то промычала – издала долгий, протяжный звук, дав понять, что я озвучил очевидное, – а затем бросила на меня один из своих умоляющих взглядов.

– Нам понадобятся угощения к кофе...

Мамі умеет манипулировать лучшими из нас, но в то же время чертовски откровенна. Мои губы дернулись.

– Все будет.

Я поставил ногу на ступеньку, и тут она нанесла последний удар:

– О, и ты должен встретить Эмму в аэропорту.

Вот оно что. Я прекрасно понимал, что моя бабуля, любительница вторжений в личное пространство, занимается сводничеством. Мы оба это понимали. Только вот Мамі на

самом деле считала, что имеет хорошие шансы на успех. Мне это казалось ужасной ошибкой. Она могла бы притащить сюда самую идеальную женщину в мире, и все равно это не имело бы значения. Больше нет.

– Мамі...

– Ее самолет приземляется в десять...

– Нет.

– ...так что тебе скоро нужно выезжать.

– Мамі.

В ее глазах сверкнул зеленый огонь.

– Не испытывай мое терпение, Люсьен. Я уже пообещала Эмме, что кто-нибудь заберет ее из аэропорта. Ты поедешь.

Когда моя бабуля говорила таким тоном, слушаться было обязательно. Никаких исключений.

– Ладно, Мамі. Я поеду.

Клянусь, в ее глазах мелькнул блеск удовлетворения.

– Хорошо. Она в Окснарде.

– Окснард, – едва не закричал я. – Почему она, черт подери, не прилетела в Санта-Барбару?

Бабушка снова пожала плечами:

– Там какая-то профсоюзная забастовка, поэтому авиакомпания отменяет рейсы.

– Класс.

Окснард в часе езды от Роузмонта, и это учитывая более-менее свободный траффик. Которого никогда не было.

– Ты просто герой, mon ange⁸.

Ага. Конечно. Герой.

Я не сказал больше ни слова, просто сложил инструменты. *Пусть думает, что победила*. Я заберу принцессу Эмму из аэропорта. Буду настолько вежлив, насколько возможно, а затем стану держаться от нее подальше. Так что моей бабуле придется просто смириться с этим досадным разочарованием.

⁸ Mon ange (фр.) – мой ангел.

Эмма

Я сразу же заметила парня в зоне выдачи багажа. В основном из-за того, что он выглядел великолепно. В надменном ключе. Существует несколько видов великолепных мужчин. Например, безупречные красавчики, мистеры «сделай мою фотку и повесь ее на стену, чтобы любоваться мной». А еще сэры-грубияны, сочащиеся сексуальной энергией, заставляющие колени подгибаться, а нутро трепетать. Этот парень прямо-таки демонстрировал надменность всем своим видом.

Уверенной, развязной походкой он направился ко мне. Я смотрела, как он приближается, не в силах притворяться, будто не заметила его. Да и как можно было? Ростом не менее шести футов четырех дюймов⁹, с широкими плечами, узкими бедрами, плоским животом и подкачанными бедрами, он привлекал внимание. Чернильные волосы, контрастировавшие с оливковой кожей, беспорядочно падали ему на лоб.

Он по-прежнему находился слишком далеко, чтобы я могла различить цвет его глаз, но я видела, что они светлые. Он смотрел на меня из-под строгих темных бровей.

О божечки.

Меня пронзила очередная волна влечения, такая сильная, что я едва не прижала руку к животу, лишь бы сдержаться.

⁹ 195 см.

Но успела вовремя опомниться. Было не важно, насколько горяч этот парень, не имело значения, что он безумно сексуален в своей развязности, — любая попытка общения со мной служила поводом для осторожности. С того момента, как я решила специализироваться на актерстве, я гналась за славой, нуждалась в ее защите и силе, чтобы получить роли, которые хотела. Теперь, когда я достигла цели, обнаружилось, что мне нужно бороться с прилагающимися ограничениями. Я больше не могла выходить на улицу одна, не рискуя столкнуться с папарацци или фанатом, который не понимает личных границ. Когда это случилось в первый раз, я была в ужасе. После я наняла охрану.

На мгновение я пожалела об отсутствии охраны, с которой путешествовала с тех пор, как «Темный замок» стал хитом. Но теперь я не могла ничего с этим сделать. Я осталась одна, а этот мужчина определенно шел в мою сторону.

Может, он хотел, чтобы я что-то ему подсказала. Тогда бы ему не повезло. Как и тысячи других пассажиров, я не должна была оказаться здесь. Мой рейс из Исландии через Сан-Франциско должен был приземлиться в Санта-Барбаре. Нас направили в Окснард, и это место оказалось настоящим зоопарком.

Мне сказали, что водитель заберет меня, но может немного опоздать из-за изменения места прибытия. Поэтому я спряталась неподалеку от ряда стульев и искала глазами кого-нибудь в униформе и с табличкой, на которой было бы

написано: «Мария». Мария мое кодовое имя во время путешествий. Не очень-то изобретательно, но это работало.

Скрывая глаза под белыми очками в стиле Джеки О, я наблюдала, как мистер Надменность подплывает ближе.

Он не попытался очаровать меня улыбкой или даже приятным выражением лица. На самом деле он казался раздраженным: суровые прямые брови сошлись на переносице, а губы плотно сжаты. Однако это не ослабляло эффекта, который он оказывал на меня. Совсем не ослабляло, черт возьми.

Честно говоря, я находилась на грани того, чтобы захихикать, будто влюбленный подросток, пока он подходил ближе. Затем он остановился. Достаточно далеко, чтобы соблюсти приличия, но достаточно близко, чтобы я могла его рассмотреть.

Волосы не черные, а скорее темно-коричневые. Грубые черты, которые, несомненно, вызвали бы восхищение у античных скульпторов. Посреди переносицы небольшая шишка, говорящая о том, что его нос, возможно, когда-то был сломан. В лице ни намек на мягкость, за исключением рта – губы могли бы показаться полными и красивыми, если бы мужчина не сжимал их в тонкую линию, делающую его лицо мрачным.

Самое большое впечатление произвели его глаза. О черт, эти глаза. Я уставилась на них, не в силах отвести взгляд. Глубоко посаженные под сердитыми черточками бровей и обрамленные длинными густыми ресницами, на меня смот-

рели глаза пугающе холодного зеленого цвета.

Что касается моей внешности, я расцвела поздно. В старших классах из-за моих слишком больших глаз и острого худого лица мальчишки называли меня мышкой или кроликом. Я ненавидела это и долгое время чувствовала себя неуютно в отношениях с мужчинами. Но время и актерство все изменили.

Я постоянно крутилась рядом с роскошными, очаровательными мужчинами. Они прилагались к профессии. Привлекательность оказалась еще одним товаром. Но я все равно ощущала неловкость рядом с мужчинами, когда только знакомилась с ними. Однако никогда не чувствовала дрожь в коленях из-за одного лишь взгляда. Ни один из них не выбивал меня из равновесия, как этот мужчина со своим холодным взглядом.

Я даже не уверена, что мое затрудненное дыхание связано с влечением, а не с расшатанными нервами. Не каждый день сумасшедше красивый, весьма надменный мужчина дарит тебе взгляд, полный невероятного пренебрежения. Будто он предпочел бы находиться где-то еще, но только не здесь. Я понятия не имела, что с ним не так. Даже испытала некое искушение оглянуться через плечо, чтобы убедиться, что там нет съемочной группы, снимающей шоу вроде «Давайте позиздеваемся над знаменитостью».

В нем было что-то странно знакомое, словно до этого я его уже видела. Нет, вряд ли. Я бы непременно запомнила муж-

чину, выглядящего вот так. Даже отметила бы эту встречу в своем мысленном дневнике и дважды подчеркнула бы.

А затем стало еще хуже. Он заговорил. И боже ты мой, его голос оказался восхитительным. Я ощутила его вибрацию где-то в глубине глотки.

– Вы – Эмма Марон?

Я позволила этому богатому, глубокому голосу прокатиться по моей коже, впитала чистое удовольствие от его звучания и только потом осознала смысл произнесенных слов. Он меня узнал.

Фанат.

Меня тут же постигло разочарование. С фанатами точно ни в коем случае нельзя встречаться. Это слишком странно, и... какого черта я вообще начала думать о свиданиях? Я приехала не для этого. Мне хотелось отдыхать, читать книжки, возможно, спать целыми днями, зализывать раны в одиночестве. А все, что сделал этот мужчина, – просто задал вопрос.

На который теперь ждал ответа. И он выглядел крайне нетерпеливо, а выражением его лица будто говорило о том, что я – проблема, которую ему нужно решить. Это не имело никакого смысла, ведь это он ко мне подошел.

Он перенес вес с одной ноги на другую, мышцы бедер задвигались под поношенными джинсами. Я подавила волну жара, которая снова нахлынула на меня, и сосредоточилась. Может, ему неловко. Да, наверное, так и есть.

Я подарила ему свою публичную улыбку. Вежливую. Дружелюбную, но не слишком.

– Да, я Эмма.

Он небрежно кивнул, а затем потянулся за телефоном.

– Я...

Ох, черт, подумала я. Он хочет сфотографироваться. Такое постоянно случалось, и обычно я была рада этому. Но я только что пережила тринадцатичасовой перелет и чувствовала себя грязной и уставшей. Казалось, даже мои волосы болят. И самое важное – селфи могло привлечь внимание. Внимание, с которым я была не в состоянии справиться в одиночку. У меня уже имелся подобный опыт, и с тех пор я боялась оказаться в окружении толпы.

– Боюсь, я не позирую для селфи без охраны, – вмешалась я до того, как его просьба сделала бы ситуацию еще более неловкой. – Но я буду рада подписать что-нибудь для вас, если есть ручка.

Мои слова ввели его в ступор. Затем он моргнул, и в уголках его красивых губ появилась тень ошеломленной улыбки.

– Думаете, мне нужен автограф?

В мою кожу будто воткнули десятки острых иголок.

– Я... эм... – *Дерьмо*. – Разве нет?

– Нет. – Он вытащил телефон и провел пальцем по экрану. – Я приехал забрать вас. От Амалии Озмонд. – Не слишком-то скрывая самодовольную ухмылку, он передал мне телефон. – Просто хотел показать вам подтверждающее пись-

мо.

О господи, позволь земле поглотить меня и унести прочь.

– Я... Простите. Я предположила...

– Я так и понял.

Мне могло почудиться, что в его морозно-зеленых глазах мелькнул проблеск веселья, потому что остальные черты его лица остались каменными. Это смутило меня еще больше.

– Просто... когда люди подходят ко мне, обычно они хотят автограф или фото.

– Понимаю. – Уголок его губ дернулся. Один раз. – Бывает.

Я могу с уверенностью сказать, что подобного не случилось ни разу. Впервые за многие годы я снова почувствовала себя неуклюжей, забитой девочкой, которой так долго была. Я так долго боролась, чтобы преодолеть это в себе. Теперь передо мной стоял выбор. Поддаться и смутиться или немного обнаглеть и сыграть в игру. Я собралась с силами и выдала, как я надеялась, веселую улыбку.

– Вы себе и представить не можете.

Как ни странно, он хмыкнул, словно пытаясь воздержаться от комментариев. Между нами возникла неловкая пауза, затем до меня кое-что дошло, и я выпрямилась.

– Погодите. Вы использовали неправильное имя.

Его брови приподнялись, придав лицу властное выражение. Я уверена, это прокатывало не единожды с другими людьми. Но не в этот раз. Я выдержала его взгляд, бросив

такой же в ответ.

Его брови немного опустились, а уголок рта дернулся.

– Так, значит... вы не Эмма Марон?

Я прищурила глаза.

– Когда мои водители меня забирают, они используют кодовое имя.

Очевидно, ему не понравилось, что его назвали водителем. Но как еще я могла это объяснить? Технически он был моим водителем. Или нет?

– Это простая процедура для безопасности.

Жесткость взгляда немного смягчилась.

– Вы правы. Безопасность важна. – Его взгляд сделался задумчивым, он почесал затылок, очевидно испытывая волнение. – Вот дерьмо... Я не помню... А, точно. – Морозные глаза пригвоздили меня торжествующим взглядом. – Мария.

На меня нахлынуло облегчение. Не хотелось бы, чтобы этот парень оказался потенциальным сталкером, или убийцей, или еще кем-то подобным. По правде говоря, у меня вообще не было желания волноваться ни о чем таком. Да, мне нравилось играть, нравилось, как далеко я продвинулась, но бывали времена – например, каждая секунда в реальном мире, – когда я хотела лишь сбросить эту кожу и просто побыть обыкновенным человеком, старой версией себя, которую никто не знал и не замечал.

Теперь, когда мужчина прошел мой тест, он обратил внимание на багажную ленту, и суровый взгляд вернулся на ме-

сто.

– У вас есть багаж?

– Предположу, что это был риторический вопрос.

Он приподнял бровь, невозмутимое лицо не дрогнуло.

Тяжелая публика.

– Ладно... – Я вздохнула. – Э, простите, а как ваше имя?

Мистер Задумчивость моргнул, будто сам себя шокировал тем, что забыл представиться.

– Меня зовут... Люсьен.

– Вы уверены?

Ладно, я просто не удержалась. Он выглядел таким серьезным – и вид того, как он теряется, вызвал во мне странное ликование.

Темные брови Люсьена нахмурились.

– Вы считаете, я не знаю собственного имени?

– Вы колебались.

Люсьен хмыкнул, поставив руки на бедра.

– Даже не знаю... вы не выглядите как Люсьен.

– Неужели.

Было даже забавно доставать его. Он так легко велся на это.

– Люсьен носит белое белье и мокасины. Предлагает мятный джулеп¹⁰, прежде чем продать вам старинный шифоновый халат.

– Похоже, этот парень жжет. Скажите мне... как же меня

¹⁰ Мятный джулеп – алкогольный коктейль.

должны звать, по-вашему?

– Вы больше напоминаете Брика¹¹. Угрюмого экс-спортсмена с бременем на плечах, прячущегося от мира и запивающего свою боль.

Он снова моргнул, его голова слегка дернулась, будто я попала в точку.

Или мне показалось, поскольку он тут же наградил меня очередным вежливым взглядом, а затем великолепным сладким голосом с тем же наглым тоном выдал:

– Как бы мне ни хотелось подольше послушать про возрождение «Кошки на раскаленной крыше», которое ты запланировала, Мэгги, багаж уже прибыл.

Мои щеки будто лизнуло пламя. Боже, он раскусил меня. Нервничая, я имею привычку окунаться в воображаемый мир пьес или кино. С тех пор как я в последний раз смотрела экранизацию «Кошки на раскаленной крыше», прошло довольно много времени, но, если честно, Люсьен обладал этим вайбом угрюмого, но все же горячего Пола Ньюмана. И как после такого винить девушку за то, что слегка отвлеклась?

– Точно. – Подавив вздох, я направилась к ленте, а он пошел за мной. Его уверенная походка легко соотносилась с моей, более быстрой. Я не собиралась его обгонять, поэтому замедлилась. Каблуки цокали по блестящему линолеуму.

¹¹ Брик Поллитт – герой книги Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше», муж главной героини, Мэгги.

– Которые из них ваши?

– О, я могу забрать... – Его пристальный взгляд заставил меня резко замолчать. Я вздохнула. – Аллюминиевые Fendi¹² с красными ремешками.

Не говоря ни слова, Люсьен – ну серьезно, он казался слишком крупным и грубым для Люсьена – повернулся и начал стаскивать мои сумки с конвейерной ленты. Поставив последнюю из них на пол, он бросил на меня еще один взгляд.

– Это все ваши сумки? – спросил он, будто я притащила с собой приданое. Их было всего четыре.

– Если только у меня не возникло внезапной амнезии, да, это все.

– Хм-м.

Два ворчливых возгласа и «хм-м». Чудесно.

– Люблю быть ко всему готовой, – захотелось сказать мне. Он бросил на меня хитрый взгляд.

– А ручку не захватили.

– Ручку?

– Для автографа, который я так хотел.

Ох.

– Когда собираешься попросить автограф, Брик, нужно подходить с ручкой в руке.

– Буду иметь в виду.

¹² Fendi – итальянский дом моды, специализирующийся на выпуске одежды, изделий из кожи и меха, аксессуаров и парфюмерии.

Что ж, это будет веселая поездочка.

Глава вторая

Люсьен

Я подумал, что в жизни Эмма Марон еще более красивая, более впечатляющая. И пусть ее волосы теперь стали медово-золотистыми вместо бело-синих, я сразу узнал ее и ощутил прилив сиюминутного возбуждения. Год назад я бы с первых слов попытался очаровать ее, замыслив затащить в койку. Был бы доволен, как слон, что Мамі устроила нашу встречу. Да, все произошло бы именно так, если б не моя тогдашняя помолвка. То, что я и думать забыл об этом событии, немного встревожило.

Эта женщина оказалась ходячим отвлечением. В последнее время я плохо справлялся с отвлекающими факторами. Особенно с теми, у которых сладкая, как сахарная вата, улыбка и уверенность первоклассного снайпера – бог знает, ее словесные удары идеально попадали в цель. Это сочетание не должно было быть сексуальным. Но было.

Открыв пассажирскую дверцу своего пикапа, я стал ждать, когда она заберется внутрь, и почувствовал, как по телу пробежала дрожь. На секунду она задержалась, глянула на меня своими большущими сине-фиолетовыми глазами, будто ждала, что я подам ей руку, как-то помогу усесться в

пикап. И тут дрожь превратилась в полномасштабную атаку моего тела, заставив все мышцы сжаться.

Я не хотел касаться ее. Это казалось опасным. Словно какой-то неуклюжий мальчишка, я боялся физического контакта с этой женщиной, будто это действие магическим образом могло бы испортить меня, и в ответ на ее игривую экспансивность¹³ я выплюнул бы еще больше тупых реплик.

Но затем она просто сверкнула захватывающей дух улыбкой и запрыгнула в машину с удивительной легкостью. Я захлопнул дверцу, облегченно выдохнув. Но облегчение было недолгим. Меня ждала поездка длиной больше часа. В замкнутом пространстве с самой любимой в мире принцессой варваров.

Конечно, она не выглядела так, словно могла хоть кого-то обидеть. Да, в «Темном замке» она владела магией и могла расплавить несчастным бедолагам лица. Выдумка или нет, но это заставляло меня вести себя осторожно.

Помассировав шею, я сел в грузовик. И тут же оказался сражен ее ароматом. Пять секунд в чертовой машине, и все наполнилось ее запахом, насыщенным и сладким – вареные груши в креме англез¹⁴. *Нет, не думай о кондитерском креме. И не облизывайся.*

Я крайне нервно отреагировал на эту женщину. Целый год

¹³ Экспансивность – резкое, бурное проявление чувств.

¹⁴ Английский крем, или крем англез, – густой десертный соус, разновидность заварного крема.

я не чувствовал даже капли сексуального влечения или потребности в близости. Даже не скучал по сексу – что тоже вызывало беспокойство. Однако я смирился с апатией. Эмма Марон пробудила меня, будто вставила вилку в розетку. И мне это не понравилось.

– А как долго ехать до дома? – спросила она, когда я завел машину.

Слишком долго. Вечность.

– Около часа.

Я не упустил из виду крошечную морщинку на ее лбу. Но она быстро опомнилась и откинулась на спинку сиденья. Только когда мы выехали из аэропорта, она нарушила тишину:

– Будет весело.

Сухой сарказм в ее исполнении вызвал у меня желание улыбнуться. Но я не стал.

– О, безусловно.

– Какое слово вы использовали ранее? – Ее пухлые губки изогнулись в лукавой улыбке. – Отожжем, верно?

– Отожжем не по-детски, – невозмутимо произнес я, заставив ее засмеяться. Иисусе, ее смех. Хрипловатый и легкий. Так смеются в спальне.

Я поерзал на сиденье и сосредоточился на дороге. Но все же посмотрел на нее, не смог сдержаться. Ошибка.

Господи, она выглядела великолепно. Чистая, восхитительная красота. Начиная с округлых щечек и заканчивая

тонкой линией подбородка – подобные лица скульпторы увековечивают в мраморе, чтобы остальные поколения веками могли любоваться ими.

Естественно, она оказалась красивой. Ведь она актриса. Созданная быть экранным идиолом. Эмма Марон, она же принцесса Аня, будущая королева и завоевательница Темного замка. Мы с парнями смотрели сериал, пока путешествовали между играми. Аня была моей любимицей. Особенно с тех пор, как... я увидел ее грудь. Это событие сразило меня, будто кто-то ударил шайбой по шлему, и в ушах зазвенело. Моему взору предстали идеальные кремовые бугорки со сладкими розовыми сосками, вздернутыми вверх и бросающими вызов самой гравитации, умоляющими, чтобы их пососали. Она стояла на четвереньках, задорные сиськи подпрыгивали, пока Арасмус врезался в нее сзади.

Я почувствовал, как краснею. Я. Парень, на которого каждую ночь со времен старшей школы вешались десятки пассий. Я занимался сексом так часто и в таких разных позах, что со временем это стало обыденным. Ничто не могло заставить меня испытать стыд или почувствовать себя неловко. И все же сейчас я ощущал, как шея под воротником горит, а щеки алеют. После почти года воздержания мой член решил заявить о себе и начал расти. Именно сейчас. Сейчас, когда я застрял в машине, меньше чем в трех футах от женщины, у меня случился стояк. Чудесно.

Я вдруг ощутил себя проклятым извращенцем.

– По крайней мере, во время этой поездки можно посмотреть на красоту, – сказала она, прерывая мои мысли о кремовых сиськах с сахарными сосками.

– Хм-м, – только и смог промычать я.

Но она была права. Какое-то время нам предстояло ехать вдоль побережья, и хотя некоторые люди здесь перестали обращать внимание на Тихий океан, я сомневался, что Эмма Марон поступит так же. Это было хорошо. Она концентрировалась на пейзаже, а я концентрировался на дороге. Вместо нее. Не то чтобы она облегчила мне задачу. Эмма не восприняла мое молчание как намек.

– Без обид...

– Что означает – вы собираетесь меня обидеть, – сухо отрезал я.

– ...но вы не похожи на шофера, – весело закончила она.

– Мне казалось, я похож на угрюмого экс-спортсмена с бременем на плечах, прячущегося от мира и запивающего свою боль.

И пусть я всего лишь отшутился ее же репликой, что-то внутри меня неприятно сжалось. Она почти попала в точку. Я не пил, но остальное...

Она мягко фыркнула, и это отвлекло меня.

– Что ж, сомневаюсь, что старый добрый Брик предложил бы забрать кого-то из аэропорта. Особенно если ехать пришлось бы час.

Попался. Мои руки сжали руль немного крепче.

– Амалия – моя бабушка.

– Оу! – В одном этом слогe уместилось все понимание мира. Эмма глянула в окно, прежде чем добавить: – Я ни разу не встречала ее.

– И все же решили приехать?

Она криво улыбнулась.

– Странно, правда?

– Я не берусь судить.

Эмма снова фыркнула, но без злобы. Я бросил взгляд в ее сторону, и наши глаза встретились. Мы обменялись легкими улыбками, как бы говоря, что мы оба полны дерьма. Но потом она пожала плечами.

– Я... переживала нелегкие времена и позвонила своей бабушке. Она рассказала мне о замечательном поместье под названием Роузмонт и о своей очаровательной подруге, которая им владеет. – Эмма бросила на меня застенчивый взгляд. – Бабуля говорит, это идеальное место, чтобы спрятаться и прийти в себя.

Сказав это, она сторбилась, словно готовясь к пренебрежению с моей стороны. Но от меня она подобного не получила бы. То, что Эмма показала свою уязвимость совершенно незнакомому человеку, неожиданно заставило меня встать на ее защиту, и я решил немного открыться в ответ:

– Мои родители погибли в автокатастрофе, когда мне было четырнадцать. – Я отмахнулся от ее немедленного сочувствия. – Амалия стала мне и бабушкой, и матерью. Ее вто-

рой муж, Фрэнк, тогда только купил Роузмонт. Мы жили там весь школьный год. Это отличное место для...

Исцеления. Скорби.

Я схватился за руль и взял паузу, чтобы отогнать воспоминания о том потерянном, злом ребенке. Но тщетно. Они все равно заявили.

– Не буду говорить, что это какое-то волшебное место... – *Ага, именно поэтому ты прибежал сюда, как только смог.* – Но тут красиво и уединенно. И Амалия однозначно позаботится о вас.

Сама эта мысль заставила меня почувствовать одновременно и радость, и неловкость. За Эммой стоило присматривать. Но почему именно здесь, в месте, откуда я не мог сбежать? Как бы то ни было, я проговорил с этой женщиной дольше, чем кем-либо другим за последние месяцы.

К счастью, Эмма просто кивнула и задумчиво уставилась в окно, рассматривая проносящийся мимо горный хребет.

– Я помогаю ей с ремонтом помещений, – захотелось сказать мне черт знает почему. Ей не нужно было этого знать. И все же я не заткнулся: – В основном гостевых домов. Они пришли в негодность за эти годы. Ваш, к слову, был полностью обновлен.

Заткнись, Оз, ты тупица.

– Я и не сомневалась, – проговорила она.

Наступила блаженная тишина. На пару секунд.

– Значит, вы подрядчик?

Одна часть меня захотела засмеяться. Другая – завывать в пустоту. Вот в кого я превратился. Мужчина, обожаемый фанатами, толпы которых тусовались у выхода после игры в надежде получить автограф. Мужчина, от которого хоккейный мир ожидал еще одной победы в Кубке Стэнли. Теперь я стал не более чем обычным парнем, работающим на свою бабушку и подвозящим известную актрису, которая понятия не имеет, кто он такой.

Конечно, я не думал, что она окажется великой фанаткой хоккея. Но хоть бы капельку узнавания! Я участвовал в международных кампаниях энергетических напитков, рекламе часов, спортивных машин, батончиков. Черт подери, она ведь предположительно жила в Лос-Анджелесе по меньшей мере год. Пятидесятифутовый билборд, где я изображен с клюшкой наперевес, роскошно улыбающийся и одетый в одни лишь обтягивающие красные боксеры, висел над бульваром Сансет¹⁵ и Лос-Фелис¹⁶.

Я подумал об этом идиотском билборде, копии которого распространились по всем городам мира, вспомнил, как парни болтали, мол, Счастливчик Люк выставил напоказ свой мешочек с драгоценностями, и сжался.

Может, и лучше, что она меня не узнала. Возможно, поэтому, когда она спросила мое имя, я назвался Люсьеном.

¹⁵ Бульвар Сансет – улица в городе Лос-Анджелес, штат Калифорния, США.

¹⁶ Лос-Фелис – спокойный район, расположенный на холме, который привлекает начинающих и уже известных представителей творческих профессий.

Кроме моих родителей, никто не называл меня так. Я всегда был либо Озом, либо Люком.

Любопытная малышка Эмма, сидевшая рядом со мной, издала странный звук, как бы говоря: «Алло? Земля вызывает Люсьена» – и напоминая, что я не ответил на ее вопрос о том, подрядчик ли я.

– Что-то вроде того.

Я переключил радио. По правде говоря, мне совсем не хотелось, чтобы она узнала меня. Это привело бы к вопросам и неизбежной правде о том, что я больше не способен заниматься самым любимым делом в своей жизни.

В желудке возникла тяжесть, я ехал в мрачном молчании. И теперь Эмма не настаивала на вежливой болтовне. Бескрайним синим простором перед нами открывался Тихий океан. Солнечный свет отражался от воды, отбрасывая золотые отблески. Я потянулся за солнцезащитными очками и надел их, пока Эмма охала и ахала.

– Большую часть года я живу в Лос-Анджелесе, – сообщила она с легкой улыбкой. – Но видеть океан всегда приятно.

Когда-то я тоже так считал. Пикап змеился по дороге, вдоль которой растянулись грязно-коричневые, слегка зеленоватые горы, напоминавшие ноги древних динозавров, ступивших в океан. По крайней мере, так я говорил Мамі, когда был ребенком. Воспоминание помогло немного расслабить мышцы на шее и лбу.

Размеренно дыша, я быстро сказал ей: «Да, здесь краси-

во» – и продолжил движение. Несмотря на нарастающую головную боль, я не мог отрицать великолепия вида, оказавшего такое сильное влияние на Эмму Марон. Береговая линия Калифорнии внушала благоговейный трепет. Океан разбивался о гранитные утесы, пенился и кружился вокруг маленьких островков золотых пляжей.

Как и Эмма, я вернулся в Калифорнию, чтобы здешняя земля проникла в мою израненную душу. Чтобы обрести покой. Но, увы, я этого не почувствовал. Мир ускользал от меня. Боль в голове усилилась, раскаленными иглами вонзившись в мои глаза изнутри. А с болью пришла тошнота, густая и жирная. Твою-то мать. У меня не было мигрени несколько недель. Почему сейчас?

Я знал ответ. Врач сказал, что у меня могут возникнуть головные боли при внезапном стрессе. Дело было в ней. Даже не пытаясь, Эмма выдернула меня прямо из моего милого, безопасного кокона оцепенения, а я не хотел просыпаться.

Я приоткрыл окно, отказываясь сдаваться. Эмма рядом со мной тихонько подпевала Фионе Эппл¹⁷. Сомневаюсь, что она знала об этом, но я не возражал. Ее голос звучал мягко и мелодично. Приятное отвлечение.

Солнце поднялось выше, блики усилились. Как и головная боль. Мелкий пот выступил на коже; свет отражался от океана, а дорога сливалась в одно большое сверкающее пятно.

¹⁷ Фиона Эппл – американская певица, автор песен и пианистка, трехкратная обладательница премии «Грэмми».

Мигрень никогда не заставляла меня в дороге. Унижение боролось со здравым смыслом. Трасса – не то место, где можно валять дурака во имя пресловутой мужской гордости. Мне следовало остановиться. Следовало сказать Эмме, что я не могу вести машину. Я медленно выдохнул, готовясь признаться ей, но она заговорила первой:

– Вы не возражаете, если мы остановимся возле смотровой площадки? Здесь так красиво, мне хотелось бы сделать фото для соцсети.

Я не собирался жаловаться и коротко кивнул ей. Мой ослабевший мозг превратился в жидкую кашу от боли, заполнившей череп. В ответ вспыхнули огоньки. Я стиснул зубы и попытался отдышаться.

Вся эта ситуация невероятно бесила. Я катался с разорванными мышцами, разбитыми губами, сломанным носом. Четверть сезона держался за клюшку перекореженными пальцами, перевязанными бинтом. Но не смог справиться с этим. Меня подкосила головная боль.

Свернув на полукруглую, покрытую грязью и гравием смотровую площадку, я как можно быстрее поставил пикап на стоянку и практически выскочил из него. Эмма ничего не заметила. Она легко выбралась из машины и чуть ли не помчалась к краю.

Там, где море встречалось с пеной волн у берега, оно казалось бирюзовым. Чуть дальше по побережью серферы покачивались на своих досках, ожидая хорошей волны. Эмма

откинула голову назад и глубоко вдохнула аромат моря. Солнечный свет коснулся золотых прядей волос и сделал ее кожу цвета идеальной булочки. На мгновение я забыл о своей пульсирующей голове. Забыл, как, черт возьми, дышать.

Эмма выглядела сногсшибательно. Она наверняка замерзла в своем белом сарафане – воздух был свежим и влажным от ветра, – но не подала виду. Вместо этого Эмма широко раскинула руки, словно обнимая мир, а солнечный свет сделал белый хлопок ее юбки полупрозрачным, отчего силуэт ее сладкого тела стал виден сквозь ткань.

Я не имел права замечать подобные вещи, особенно в ее случае. И все же ничего не мог с собой поделать – Эмму Марон невозможно игнорировать. Не только из-за ее красоты, но и из-за того, что она каждой частичкой себя впитывала радость, будто даже возможность дышать – это подарок. Может, и правда, но в тот момент так не казалось.

Пробормотав про себя проклятья, я посмотрел на воду и последовал ее примеру. Делая глубокие вдохи, мечтал, чтобы мигрень утихла. Но она ответила мне: «Да пошел ты». А после нахлынула с такой силой, что мне пришлось проглотить свои желания.

– Великолепный вид, правда? – спросила Эмма.

– Ага.

– Я провела месяцы на съемках в Исландии, там очень красивые пейзажи, – бормотала Эмма на фоне моей адской боли. – Некоторые из них откровенно мрачные, как лунный

пейзаж, например, но Тихий океан все еще вызывает во мне благоговение. Так и хочется рухнуть на колени и начать благодарить за такую красоту или что-то в этом роде.

Мне тоже хотелось рухнуть на колени. Но не перед каким-то морским богом. Может, я сделал бы это перед богами боли, если бы думал, что они хоть на секунду оставят меня в покое.

Я не замечал ее приближения, пока она не оказалась рядом со мной. Даже тогда она представляла собой лишь размытое цветное пятно, пахнущее теплом. Но я отчетливо ее слышал.

– Послушайте, Люсьен, я хотела вас попросить... – Она остановилась, издав полусмешок, словно изо всех сил пыталась подобрать нужные слова. – Это как-то неловко...

Да я нынче просто эксперт по неловкости, милая.

Мое зрение прояснилось достаточно, чтобы увидеть, как она слабо улыбается и заламывает руки, – Боже, пожалуйста, не дай ей узнать меня сейчас.

– Просто меня немного укачивает... Так всегда случается, когда после долгих перелетов так скоро приходится оказаться в машине.

Она, должно быть, шутит, подумал я. Наверное, поняла, что я не в себе, и это стало ее решением. Я напряг глаза и окинул ее критическим взглядом. Лицо немного позеленело, она будто пыталась сглотнуть, но не могла.

– Вам плохо? – задал я очевидный вопрос.

Она еще больше побледнела, на гладкой коже выступил пот.

– Это так глупо...

– Вовсе нет. Такое случается.

Черты ее прекрасного лица напряглись.

– Я думала, если остановимся, то это поможет, но... – Она заставила себя посмотреть на меня. – Вы не будете возражать, если я ненадолго сяду за руль?

Ее тонкие пальцы сцепились вместе. *Боже, да мы просто парочка неудачников. Я вести машину не в состоянии, а ей это нужно, и она предлагает...*

– Ладно, – умудрился выдать я. – Конечно, если вам это необходимо.

Выражение радости на ее лице заставило нечто в моей груди странно сжаться.

– Спасибо вам огромное.

– Ключ в зажигании, – сказал я, слабо кивнув, а после направился к пассажирской дверце, чтобы сесть.

– Супер. Одну секундочку. – Она подошла к другому пикапу, припаркованному на краю смотровой площадки. В потрепанном садовом кресле рядом с ним сидел пожилой мужчина и продавал бутилированную воду из кулера.

Эмма купила несколько бутылок, взяла в руки и направилась обратно ко мне. Я, кажется, вообразил себе ее бодрую походку, поскольку, когда она встретила мой взгляд, ее тут же будто накрыла волна болезненности. Но она выдержала

это, глубоко и судорожно вдохнув, а затем протянула мне ледяные бутылки.

– Вода мне тоже помогает. Возьмите, если хотите.

Вода точно помогла бы. Еще как. Я посмотрел на холодные бутылки у себя на коленях, а затем на Эмму, обходящую пикап. Неужели она сделала это для меня? Я не был уверен. Это раздражало. Нервировало.

Озадаченный, я открыл бутылку для нее и одну для себя, а остальные сунул в большой отсек между сиденьями. Эмма скользнула на водительское сиденье и тут же принялась настраивать все по своему вкусу.

Странно, что и это я нашел сексуальным? Наверное. Но я был слишком измучен, чтобы переживать об этом. Наклонившись ровно настолько, чтобы немного ослабить давление на поясницу, я схватил бутылку и сделал большой глоток. А потом чуть не заплакал от облегчения, когда холодная вода хлынула мне в горло.

– Вы знаете, куда ехать? – спросил я ее, хотя было довольно очевидно, что она знала, в каком направлении мы едем, и я запросто мог указать ей, где повернуть, при необходимости.

Она ответила вопросом:

– Мы ведь направляемся в Монтесито?

– Верно.

Эмма спокойно выехала на дорогу. Как только мы тронулись, она приоткрыла окна, чтобы впустить ветерок, а потом

включила кондиционер. Бросив быстрый взгляд в мою сторону, она объяснила:

– Тоже помогает от тошноты, знаете?

Да, я знал.

Я хмыкнул и, спрятав глаза за солнцезащитными очками, закрыл их. Выпив свою порцию воды, позволил свежему воздуху облегчить мое состояние. Эмма тихонько напевала мелодию, и мне потребовалась минута, чтобы понять, что это «Мария» из «Звуков музыки»¹⁸.

По какой-то причине мне захотелось рассмеяться. Не над ней или песней, а потому, что это было так на нее похоже. Вместо этого, пока она спокойно вела машину, я выпил еще воды.

– Вы хороший водитель, – сказал я вдруг.

На ее губах заиграла легкая улыбка.

– А вы сомневались?

– Я так не говорил. Предположил, что вы более-менее опытни, раз предложили повести машину.

– Могла и обмануть, – игриво возразила она. – Может, я просто жутко самоуверенная, но опасно некомпетентная.

– Встречали много таких людей?

В уголках ее глаз появились маленькие морщинки.

– Парочку.

– Хм-м.

¹⁸ «Звуки музыки» – мелодраматический военный мюзикл. В основу мюзикла легла книга Марии фон Трапп «Семья певцов фон Трапп».

Эмма обогнала соседнюю машину.

– Правда в том, что я люблю водить. Особенно на живописных дорогах. В Исландии мы брали напрокат спортивные машины и ездили кататься по сельской местности на выходных. – На ее лице застыло меланхоличное выражение, словно она погрузилась в свои мысли.

– Принцесса Аня была звездой этого сериала.

Ее лицо мгновенно приняло удивленное выражение.

Вот дерьмо.

Затем она повернулась в мою сторону и широко улыбнулась.

– Вы смотрели «Темный замок»?

Двойное дерьмо.

– Хороший сериал. Я смотрел его... – в дороге между играми, – иногда.

Самодовольство шло Эмме Марон. Хотя я уже начинал думать, что Эмме идет все.

– Так, значит, вам нравилась Аня, а?

Аня. Не Эмма. Героиня сериала. Героиня, которую я видел голый и... Черт подери. Гребаный ад.

Я подтянул ногу немного выше, чтобы скрыть увеличивающийся член. И все же не смог перестать представлять ее голые сиськи. Блин. Я самый худший кобель на свете.

– Она мне больше нравилась с головой, – пробормотал я, заслужив мелодичный смех Эммы.

– Да, мне тоже. – Эмма сказала это с улыбкой, но вскоре

она исчезла, и я понял, что задел ее за живое. – Амалия рассказала, да?

– Я поклялся хранить тайну. Не то чтобы мне есть кому разболтать...

Казалось, это ее успокоило. Но тут тонкие плечи Эммы поникли.

– Скоро это станет известно всем. В весьма захватывающем финале сезона.

Через шесть месяцев.

– Ты знала? Что тебе...

– Отрубят голову топором? – спросила она, шевельнув бровями.

Мне стало не до смеха.

– Да, это.

Шоу печально славилось тем, что скрывало повороты сюжета не только от фанатов, но и от актеров.

– Нет, – ответила она уже серьезно. – Нет, пока не ознакомилась со сценарием во время читки.

Я узнал этот тон – горькая боль, смешанная с замешательством. Будто она задавалась вопросом: «Неужели гребаный кошмар, что случился со мной, – это правда?» Мне это было слишком хорошо знакомо.

Они убили ее без предупреждения. На глазах у коллег.

– Это какое-то дерьмо, Эм.

Она помолчала, прежде чем ответить.

– Это точно, Люсьен.

Глава третья

Эмма

После месяцев пребывания в Исландии ехать по Калифорнии оказалось сродни путешествию в другой мир. Солнце, море, горы. Многие береговые линии имели такие же черты. И пусть я жила в Калифорнии лишь часть года, было что-то родное в здешнем свете, золотистом и теплом, в нескончаемом потоке автомобилей, в том, как серферы покачивались в воде, словно пробки, пока не ловили волну.

Я взглянула на воду, и к горлу подступил ком. Пребывание здесь напомнило мне, что Лос-Анджелес ждал, а вместе с ним и все мои страхи и сомнения. Если бы я не нашла роль в ближайшее время, мне пришел бы конец. Проблема состояла в том, что нам не разрешалось сообщать директорам по кастингу, что Аня мертва. Пока не вышел финал. Из-за этого мне пришлось притворяться, будто все хорошо. И вот я якобы взяла перерыв после напряженного графика съемок. Все это было частью плана, если верить Дэну, моему агенту, и Кэрри, моему менеджеру. Миру полагалось думать, что все идет как обычно.

Конечно, это ложь. Когда моя история в «Темном замке» закончилась, в моем хрупком мире появились трещин-

ки. Пришлось поверить Дэну и Кэрри, когда те сказали мне не волноваться и заверили меня, что предложения о новых ролях польются рекой. Только вот, в отличие от моих коллег, мне не предлагали другие роли между сезонами. Я уже начала переживать о том, что окажусь актрисой одной роли.

Смерть карьеры в Голливуде обрушилась на меня так же быстро, как топор на Аню. Если бы стало известно, что я никому не нужна, никто не стал бы предлагать мне работу. Это напоминало какое-то самоисполняющееся роковое пророчество.

Руки, сжавшие руль, стали холодными и липкими. Я вернула свое внимание к дороге. Люсьен сгорбился на своем сиденье. Он прикрыл глаза «авиаторами»¹⁹, но его размеренное дыхание ясно давало понять, что он уснул. Я еще раз украдкой глянула на него и чуть улыбнулась. Даже во сне уголки его рта оставались опущенными, будто он не хотел предаваться покою.

Моя улыбка угасла. Помимо упрямства, было что-то душераздирающее в том, как он не мог полностью расслабиться во сне. Ему больно? В этом дело? Мне хотелось протянуть руку, пройти по четкой линии челюсти, покрытой щетиной. Но он не был моим, и я бы выставила себя сумасшедшей.

Поэтому я просто вела машину. Довольно скоро мы от-

¹⁹ «Авиаторы», также известные как «капельки», – модель солнцезащитных очков, созданных фирмой Bausch&Lomb под брендом Ray-Ban.

клонились от пути рядом с водой. Шоссе окружали повороты, промышленные парки и торговые центры. Мне было известно, что мы едем в Монтесито, но я не знала точного места. Когда мы приблизились к выезду, я свернула и заехала в ресторан быстрого питания.

Люсьен пошевелился. По тому, как он дернулся, а затем выпрямился, стало ясно – он не понял, что задремал. Я подавила улыбку, зная, что он, вероятно, рассержен этим. Беднягу одолевала гордость. Понимала я и то, что до этого у него была мигрень.

Я заметила ее признаки – попытка прикрыть глаза от света, потребность в воздухе и бледность его загорелой кожи. Он страдал, но не мог в этом признаться. Я не упустила из виду, с каким подозрением Люсьен отнесся к моей внезапной болезни – и не зря, – но я превосходно сыграла эту роль. И если мой поступок заставил его отдохнуть и позволил мне благополучно доехать нас до места назначения, да будет так. Не то чтобы я думала, что он рискнет и дальше ехать за рулем, но он изо всех сил боролся с болью и явно не хотел признаваться, что не может вести машину.

В любом случае это решило проблему.

Однако теперь он оглядывал парковку в легком замешательстве.

– Что такое? Ты проголодалась?

То, как он незамедлительно забеспокоился о моем комфорте, показалось мне милым. Я остановила пикап на пар-

ковке. Это оказалась довольно неплохая машина, ухоженная, чистая. Учитывая, что он ремонтировал поместье Амалии, я поняла – он ездит на нем не для галочки, а для удобства.

– Все в порядке. Я подумала, раз уж мы поблизости от Монтесито, позволю тебе сесть за руль на остаток пути.

Я инстинктивно поняла еще одну вещь: Люсьен бы не захотел, чтобы его бабушка увидела, что за рулем сижу я. Правда тянулась между нами, будто липкая ириска. Вся эта ситуация заставляла меня нервничать, а когда я нервничаю, то много болтаю.

– Но только если ты чувствуешь... – Черт. – То есть если тебе удобно.

Двигатель тихонько тикал, пока Люсьен смотрел на меня, очевидно уловив мой блеф. Он сgrimасничал, однако поспешил скрыть это, проведя рукой по лицу. В тишине послышался шорох его щетины.

– Я поведу.

Но никто из нас не двинулся. Мы продолжили пялиться друг на друга, а затем, словно по молчаливому соглашению, повернулись, чтобы открыть двери и выйти из пикапа. Я обошла грузовик спереди и остановилась, встретив на полпути Люсьена.

Он оказался настолько высок, что ему пришлось опустить подбородок, чтобы встретиться со мной взглядом. Господи, какой же большой, красивый мужчина. Холодные зеленые глаза смотрели на меня так пристально, что моя кожа по-

краснела от жара. Я не могла двигаться или думать под этим взглядом.

– Тебе и правда было плохо?

Этот томный голос зачаровывал меня, заставляя сказать правду. Пришлось сопротивляться. И, о боже, эти чертovy глаза. Я моргнула, изображая из себя святую наивность.

– Люсьен, ты обвиняешь меня во лжи?

– Ага.

Что ж.

Его каменное выражение лица не изменилось, однако в его ледяном взгляде что-то проскользнуло, подсказывая мне, что он не столько зол, сколько хочет узнать правду. В эту игру могли играть двое.

– Скажи мне, Брик. Ты бы признался, что у тебя мигрень, если бы я спросила?

Твердая линия рта чуть дернулась, в глазах мелькнуло веселье.

– В конце концов.

– Хм-м.

Его темные брови взлетели вверх.

– Хм-м? Это твой ответ?

Я пожала плечами:

– Почему нет? Ты же его часто используешь.

Подергивающиеся уголки его рта грозились расцвести в полноценной улыбке. Но он вовремя взял ситуацию под контроль.

– Кажется, мы понимаем друг друга.

– Думаю, да.

Это не должно было наполнить меня предвкушением. Но так и случилось. С деловым кивком я направилась к нему, но он остановил меня, пригнувшись. Хотя его губы не коснулись моего уха, я ощутила его горячее дыхание на своей коже. Меня едва не пробрала дрожь, когда голос Люсьена прозвучал мрачным шепотом:

– Спасибо, Эмма, что спасла меня от моей мужской гордыни.

Я не смогла бы скрыть улыбку, даже если бы попыталась. Она расплылась по лицу, словно солнце, которое греет от щек до кончиков пальцев.

– Не за что, Люсьен.

Он хмыкнул – о, как же мне нравилось хмыканье этого мужчины, – а затем уселся на водительское сиденье.

Мы не разговаривали, пока выезжали с парковки, но затем он снова включил радио. И он казался расслабленным. Я могу поклясться, что уловила исходящий от него запах ванили. Не сладость ароматической свечи, а темную цветочную ноту настоящей ванили. Я не могла представить, чтобы парень вроде Люсьена пользовался одеколоном, но казалось просто невероятно заманчивым наклониться и понюхать его.

Это, конечно, было бы чересчур. Он и без моих посягательств оставался скрытным.

– Мы уже близко? – спросила я, чтобы отвлечься.

– Да. – Он стрельнул в меня косым взглядом. – Извиняюсь за то, что заснул.

– У меня тоже бывают мигрени. Сон – лучшее лекарство.

– Хм-м.

– Эти твои «хм-м» каждый раз заставляют меня улыбаться, знаешь?

О, неужели я почти вижу его ответную улыбку?

– И почему это плохо?

А он вообще знает, что флиртует? А я знаю?

Все это виделось глупым. Я собиралась пробыть здесь совсем недолго, и спать с внуком бабушкиной подруги было бы не только идиотской затеей, но еще и способом причинить себе боль. Я не очень-то хороша в случайных связях. И почему-то мне не казалось, что Люсьен принадлежит к тому типу парней, с которыми заводят серьезные отношения. Скорее всего, все закончилось бы игнорированием с его стороны, а я бы чувствовала себя дурой.

Потерявшаяся в собственных мыслях, я почти пропустила съезд с шоссе и поворот на очень узкую дорогу, которая пролегала вдоль сельской местности. Я вдруг обрадовалась, что не вела машину эту часть пути. Ничего хорошего из этого бы не вышло, я бы просто завела нас в дебри, пока Люсьен спал. Сквозь деревья я мельком увидела искрящийся голубизной океан. Кое-где за воротами виднелись крыши массивных домов. Сочный, солнечный Эдем.

Люсьен подъехал к воротам из кованого железа, прикреп-

ленным к бесконечной полосе белых оштукатуренных стен, покрытых глициниями и бугенвиллеями²⁰. Ворота соединяла арка из железа, а посередине красовалось название – «Роузмонт», – написанное золотыми буквами.

– Добро пожаловать в Роузмонт, – без энтузиазма произнес Люсьен.

Поместье находилось в тени оливковых деревьев. Мы подъезжали медленно, и я открыла окно, чтобы насладиться свежим воздухом.

– Господи, клянусь, я слышу запах лимонов, – сказала я, делая глубокий вдох.

– Так и есть. Рядом с поместьем растет много цитрусовых.

– Лимоны напоминают мне о счастье.

– Счастье, – озадаченно повторил Люсьен.

– Не знаю, как еще объяснить. – Я пожала плечами с легким смешком. – Слышу аромат лимонов и чувствую себя счастливой. Полной надежд.

Он хмыкнул.

Дорога вырулила на кольцевую дорожку. Главный дом нежился в изящном покое. Частично итальянская вилла, частично асьенда²¹. И все такое калифорнийское. Красные и розовые розы расплзлись по кремовой штукатурке и обвились вокруг кованых перил.

– Совершенно потрясающе, – выдохнула я, изумленно

²⁰ Бугенвиллея – род вечнозеленых растений семейства никтагиновых.

²¹ Асьенда – крупное частное поместье в Испании и Латинской Америке.

рассматривая все вокруг.

– Да, так и есть. – На этот раз в голосе Люсьена прозвучала мягкость, но на дом он не посмотрел. Он припарковался, затем взглянул на свой телефон. Пока он что-то читал на экране, его губы сжались в полоску. – Мама́ пришлось уехать по делам, но она вернется примерно через час.

– Мама́?

– Амалия. Я зову ее Мама́. Мой термин для бабушки.

– Как мило.

– Пытаешься вывести меня из себя, не так ли?

– Это очень просто. Заставь меня хотя бы чуть-чуть потрудиться.

Взгляд Люсьена пересекся с моим, и у меня перехватило дыхание, жар разлился внизу живота. Я подумала о всех тех способах, которыми он мог бы заставить меня потрудиться. Может, он тоже об этом подумал, потому что холодные зеленые глаза уже не казались мне такими уж холодными. Но затем он моргнул, и любой намек на чувственное подражание испарился.

Не говоря ни слова, он выбрался из машины и стал вытаскивать мои вещи. Я последовала за ним, но он тут же отмахнулся от любых попыток помочь ему. Если честно, меня немного впечатлило то, с какой легкостью он поднял четыре большие сумки.

– Ты в «Сирано», – сказал он, шагая по извилистой садовой дорожке, усеянной пальмами, лимонными деревьями и

вьющимися бугенвиллеями.

– Как у Эдмона Ростана²²?

– Да. Мама́ любит называть гостевые дома в честь выдающихся персон из французской литературы. «Дюма» почти готов. Потом я начну работу над «Бодлером».

– Сирано – один из моих любимых персонажей.

– Распространяется только на имя. Не на декор. – Он остановился у бунгало, похожего на миниатюру большого дома. – Не жди бюстов большеносых мужчин или чего-то в этом роде.

– Ну вот, теперь я разочарована.

– Переживешь.

Люсьен завел меня внутрь. Мне понравились арочные дверные проемы, облачно-белые оштукатуренные стены и темные деревянные балки. Высокие французские двери пропускали золотой калифорнийский свет.

– Спальня там. – Он указал на дверь сбоку от уютной гостиной. – Ванная комната внутри. Там ты найдешь полотенца и свежее постельное белье. Кухня полностью укомплектована. И... что же еще? – Люсьен почесал затылок, осматривая маленькое бунгало критичным взглядом. – О, на обеденном столе лежит список с номерами Амалии и главного дома.

– Здесь красиво, Люсьен. Спасибо.

²² «Сирано́ де Берже́рак» (*фр.* Cyrano de Bergerac) – драма (героическая комедия) в стихах Эдмона Ростана, написанная в 1897 году.

Он хмыкнул. Как и ожидалось. Я подавила улыбку. Этот мужчина практически вибрировал от необходимости убрать-ся отсюда как можно скорее. Мне подумалось, что нахождение рядом с незнакомым человеком в течение целого часа и мигрень довели его до точки кипения.

Я бросила сумочку в милое кресло в испанском стиле.

– Перелет измотал меня. Думаю, нужно вздремнуть.

– Тогда я пойду. Просто позвони в дом, если что-то понадобится. Сэл поможет тебе, если Мама́ не ответит.

Кто такой этот Сэл, я не спросила. Люсьен уже спешил ретироваться из домика, будто он был в огне. Мне захотелось улыбнуться.

– Увидимся, Люсьен.

Он моргнул, и длинные ресницы скрылись за упавшими на лицо прядями волос цвета красного дерева.

– Хорошенько отдохни, Эмма.

Сказав это, он ушел. Дом вдруг странным образом опустел.

Налив себе стакан лимонада, который нашла в холодильнике, я направилась в спальню и забралась на высокую большую кровать, чтобы позвонить своей подруге Тейт.

– Добралась без проблем? – спросила она без предисловий. Я достаточно плакала ей в трубку, чтобы она переживала обо мне.

– Ага. Полет был нормальный. Поместье очень красивое. Собираюсь немного осмотреться. Поездка сюда оказалась...

интересной. – Как только я произнесла эти слова, то тут же захотела забрать их обратно. Мне не хотелось говорить о Люсьене, однако отпечаток, оставленный им, был свеж, как если бы он действительно дотронулся до моего тела, и я не смогла сдержаться.

Как я и боялась, голос Тейт оживился:

– Почему же интересной?

Я могла бы солгать или уклониться от ответа, но мой большой рот уже распахнулся, и назад дороги не было.

– С чего бы начать? Сначала я подумала, что мой водитель – это фанат, желающий приударить за мной ради селфи. – Тейт хихикала, пока я рассказывала ей остальное и морщилась от воспоминаний. – Вообще-то, он внук Амалии.

– Он горячий, да?

– Я такого не говорила.

– Поэтому я знаю, что так и есть.

Сморщив нос, я отпила немного лимонада. Он оказался на удивление освежающим и вкусным.

– Ладно, он горячий. Но также совершенно закрытый...

– Я его не виню, Мисс «Никаких фоток со мной».

– Ты меня, конечно, не видишь, но я показываю тебе средний палец.

– Да шучу я. Слушай, все бывает. Ты вошла в режим самозащиты и на каждого смотришь как на угрозу. – Тейт тоже была актрисой и снялась в давнем и очень популярном сит-коме на кабельном телевидении. Ее тон стал дразнящим. –

Хотя у меня никогда не случалось подобного с горячим парнем, с которым я была бы в непосредственной близости на протяжении всего отпуска.

– Господи. Я чувствую себя идиоткой. Он, очевидно, разрывался между желанием расхохотаться мне в лицо и убежать прочь из аэропорта.

– Воспринимай это как вызов. Как только ты покажешь ему настоящую себя, он не сможет устоять.

Я уже была собой. И точно не хотела делать из Люсьена вызов. Да и вообще из какого-либо мужчины.

– На самом деле это не имеет значения, – сказала я с напускным легкомыслием. – Мужчины не входят в мой список дел в отпуске.

– Мужчины всегда должны быть в списке дел, Эмс. По крайней мере, они должны заниматься тобой, особенно в отпуске.

– У меня нет никакого интереса что-то начинать. Я все еще отхожу от разрыва с Грегом.

Одно лишь упоминание его имени заставило меня неловко сжаться внутри. После того как я поймала его, он улетел домой в Лос-Анджелес первым рейсом. Мне понадобился месяц, чтобы уладить все дела в Исландии, но после я не смогла полететь домой, ведь мы с Грегом жили вместе, и черта с два я бы вернулась туда, пока он там.

Мне нужно было найти новое жилье. Привести свою жизнь в порядок. Желание затаиться и просто остаться здесь

было совсем не в моем духе. Обычно я шагала по жизни, преисполненная решимости взять ее под контроль. Но с тех пор как бабушка рассказала мне про Роузмонт, я ухватилась за идею, будто за спасательный круг. Что-то внутри меня настаивало на том, что я обязана там оказаться. Может, это глупо. Но я приехала, и, даже несмотря на общение с грубым, но слишком уж горячим Люсьеном Озмондом, заставившим меня нервничать и предвкушать каждую новую встречу с ним, я чувствовала себя хорошо.

– Грег был дерьмом, – сказала Тейт, втягивая меня назад в разговор. – Но не списывай со счетов всех мужиков из-за одного дурного.

– Ты же меня знаешь, – нахмурилась я, одергивая сарафан. – Дело не в этом. Просто... этот парень, – по неведомым причинам я пока не могла произнести имя Люсьена вслух, – всем своим видом дает понять: «Отвали от меня». Я никогда еще не встречала кого-то настолько закрытого. – И все же он флиртовал. Я не представляла, как это работает. Он флиртовал, однако ему это не нравилось. – И в этом месте от него не скрыться. Можешь себе представить, как было бы неловко на следующий день после? Нет уж, спасибо. Пожалуй, я сяду и буду наслаждаться своим одиночеством.

– Одиночество – отстой, Эм.

Я подавила улыбку.

– Говоришь как экстраверт.

– Сказал интроверт.

Мы обе захихикали.

— Что ж, — сказала она. — Делай все, что нужно, чтобы почувствовать себя лучше, а затем возвращайся домой. Я скучаю.

— Взаимно.

Я повесила трубку с грустной улыбкой. Я и правда скучала по Тейт. Но возвращаться домой не хотелось. У меня ведь и дома больше не было. Это вызывало нешуточную тревогу, поэтому я свернулась калачиком на кровати, обняв руками мучительную пустоту, что поселилась в моей груди.

* * *

Оказалось, мне требовалось вздремнуть. Приоткрытые окна впускали в дом сладкий ветерок с ароматом глицинии, и, свернувшись калачиком на плюшевой кровати с шелковыми одеялами, я спала, не ворочаясь и не заботясь ни о чем. Это было великолепно. Проснувшись, я почувствовала себя отдохнувшей и бодрой.

Приняв долгий горячий душ и высушив волосы, я вернулась в гостиную и обнаружила, что в почтовый ящик засунули конверт.

Это оказалось приглашение на кофе с пирожными в четыре часа. На пергаментной бумаге кремового цвета, написанное каллиграфическим почерком. Яркая радужная бабочка с золотой каймой украшала нижний угол записки рядом с

подписью, нацарапанной росчерком: «Амалия».

Это выглядело так восхитительно старомодно и прекрасно. Я прикрепила записку к небольшой пробковой доске, висевшей у задней двери в кухне, и пошла готовиться. А чуть погодя задумалась. Прийти раньше? Или как раз вовремя? Никогда не стоит приходить позже – это грубо.

Без двадцати четыре я решила перестать тянуть время и просто пойти. Воздух снаружи был свежим, но не холодным. Я направилась к большому дому по извилистой дорожке, выложенной брусчаткой. В приглашении меня попросили подойти к северной террасе, где бы та ни находилась. Когда тропинка повернула, я пошла по ней к воротам, которые оставили открытыми.

С каждым новым шагом трепет предвкушения в моем животе становился все сильнее. Меня это нервировало. Я ежедневно встречала новых людей. Как актрисе, мне постоянно приходилось оказываться в разных ситуациях. Но я знала, что вовсе не по этой причине мое тело стало скованным и теплым, а мое сердце билось немного быстрее. Дело было в нем. Я хотела увидеть его снова и задавалась вопросом, получится ли.

Люсьен вместе со своим «хм-м» менее чем за два часа забрался мне под кожу, что, конечно, нервировало. Даже тревожило. Особенно потому, что я точно знала, что он будет избегать меня, будто чумы. Это читалось в каждой черточке, каждой мышце его крупного, красивого, напряженного тела.

– Забей. Ты же актриса. Сыграй невозмутимость, – про-
бормотала я себе под нос.

– Разговариваете сама с собой? – протянул незнакомый
голос за моей спиной. – Вы прекрасно впишетесь в это место.

Шок от того, что я не одна, заставил мое сердце забиться в
глотке. Я развернулась и увидела перед собой высокого улы-
бающегося латиноамериканца с невероятным помпадуром²³
в стиле Элвиса. В выражении его лица не было злобы, он ка-
зался приятно изумленным.

– Здравствуйте. – Он подал мне ладонь, и я отметила его
идеальный маникюр. – Я Сальвадор. Но все зовут меня Сэл.

Я пожала ему руку.

– Здравствуйте, Сэл. Я Эмма.

– О, я знаю, кто вы. – Он широко улыбнулся. Я не могла
отвести взгляда от его губ. – Я положил приглашение в ваш
почтовый ящик.

– Точно. Люсьен говорил, что я должна обратиться к вам,
если мне что-то понадобится.

Упоминание его имени вызвало во мне игривое предвку-
шение, которое стоило бы стереть в пыль. Впрочем, было бы
неплохо узнать, живет ли он здесь, на территории поместья,
или же только работает, а затем отправляется домой... Бо-
же, а вдруг он женат? Или встречается с кем-то? Он, конеч-
но, флиртовал, но многие придурки, состоящие в отношени-

²³ Помпадур – мужская прическа. Коротко остриженные виски и нисходящий
затылок сочетаются с длинными прядями в верхней части головы.

ях, так делают. Нет, я не собиралась думать об этой сволочи, Грегге. И все же я многого не знала о Люсьене. И, черт подери, очень хотела узнать.

Я закусила нижнюю губу, пытаюсь понять, как задать интересующие меня вопросы без риска показаться слишком любопытной.

– Вы... э... Я хотела спросить о... – Люсьене, что совершенно не мое дело. Раздосадованная своей назойливостью, я заполнила пустоту первым, что пришло на ум. – Что за фантастический цвет помады вы носите?

Он слегка подтолкнул меня локтем и подмигнул.

– Бархатная лента. Очень сложно достать. Но у меня есть лишний тюбик, если вам это интересно.

– Серьезно?

Он кивнул и, протянув руку, указал на открытые ворота.

– Конечно. Мы ведь теперь соседи.

Когда я вошла внутрь, Сэл взял меня за локоть и повел за собой.

– Я живу в большом доме с Амалией. Я ее ассистент и стилист.

Сэл говорил о ней с каким-то благоговейным уважением и глубокой нежностью, и мне казалось, будто я должна знать об Амалии что-то, кроме того, что она подруга моей бабушки Синтии. Все люди, которых я знала и которые пользовались услугами стилистов, были либо знамениты, либо связаны с кем-то известным. Я взглянула на безупречно

скроенные черные брюки Сэла и золотую шелковую рубашку Versace, которые, как я знала, стоят больше, чем ежемесячная аренда большинства людей. Его стиль – Майами, внезапно встретивший Нэшвилл, но ему это шло.

– Амалия давно хотела с вами познакомиться, – продолжил Сэл.

– Признаюсь, я не слишком много о ней знаю. – Мы миновали фонтан со статуей обнаженного мужчины, держащего трезубец. – Бабушка сказала, что она прекрасная женщина и у нее есть место, где можно немного расслабиться.

– Ваша бабушка права в обоих случаях. – Сэл провел меня через центральный арочный портик во двор с еще одним фонтаном в центре. Это была Афродита, поднимающаяся из волн.

Затем мы прошли по боковой дорожке к широкой лужайке. Здесь главный дом раскинул крылья на две обширные секции. Я огляделась и мельком увидела интерьер через несколько французских дверей.

Перед домом находился бассейн, окруженный аккуратно подстриженными симметричными садами. С другой стороны лужайки, у подножия массивного эвкалипта, начиналась отдельная тропинка, которая вилась вверх по склону холма, где стояло еще одно бунгало.

– Это настоящее поместье, – выпалила я.

– Роузмонт – единственный в своем роде, – ответил Сэл. – Он великолепен, не правда ли?

Мы оба смотрели на темно-синий океан, тронутый точками золотого солнечного света, раскинувшийся где-то там, далеко внизу. Затем Сэл счастливо вздохнул и указал на стол, установленный под большой галереей длиной в весь дом. Круглый стол и четыре стула выглядели так, будто их забрали со светской свадьбы – мерцающая розовая скатерть, полный сервиз старинного травянисто-зеленого фарфора, хрустальные бокалы, низкие букеты пухлых румяных пионов. И даже хрустальный канделябр.

– Вау!

– Мы немного драматичны в том, что касается празднеств, – сообщил Сэл.

– Празднеств? – *Нет уж, я не стану искать его.*

– Дорогая, каждый прием пищи должен быть праздником, не считаете?

– Да, Сэл, считаю.

– Присаживайтесь. Амалия хотела сама встретить вас, но ее прервал звонок из Франции. – Сэл наградил меня косой улыбкой. – Родственники. Нельзя их игнорировать.

– Все в порядке.

Боже мой, на каждой тарелке стояла изящная хрустальная бабочка. Между крыльями одной из них спряталась маленькая карточка с моим именем, нацарапанным на ней. *Кто эта женщина?*

Остальные бабочки оказались без карточек с именами, так что я заняла свое место. Стол накрыли на четверых. И нет,

я по-прежнему не собиралась интересоваться им.

Правильно, Эм. Просто отпусти.

Как только я села, Сэл засуетился надо мной.

– Хотите чего-нибудь выпить? Белое вино? Шампанское? Газировка?

– Спасибо, но я подожду Амалию.

– Я скажу ей, что вы здесь. – Перед глазами мелькнул золотой шелк рубашки, и Сэл скользнул обратно в главный дом.

Я напоминала комок сжавшихся нервов. В течение многих лет я изо всех сил пыталась добиться успеха в актерском мире, терпела кучу дерьма, от которого до сих пор мурашки по коже, хотя и отказывалась от вещей, которые просто не могла заставить себя сделать. Много раз я размышляла о своей жизни, и она казалась мне нереальной, сделанной из стекла или воздушного сахара.

Пальцы дернулись в складках юбки, страх и нервы скрутили все внутри. Я не хотела думать о неудаче. Или потере. Но это было трудно, сидя здесь, на этом диком, одиноком островке земли, – не чувствовать, что, возможно, это последний вздох моей прекрасной жизни.

– Ах, вот вы где! – воскликнул хриплый, но очень женственный голос.

Статная брюнетка, которой могло быть от пятидесяти до семидесяти лет, шагнула ко мне с широкой улыбкой на ярко-розовых губах. Одета в шелковый брючный костюм цвета жевательной резинки и серебряные тапочки со стразами,

которые должны были казаться нелепыми, но каким-то образом воспринимались как ретро-шик, она выглядела потрясающе. И ее глаза имели точно такой же оттенок, как у Люсьена. Но, в то время как его взгляды казались в основном холодными и сдержанными, ее искрились хитростью и иронией.

Она понравилась мне сразу же.

– Здравствуйте.

Я встала, чтобы поприветствовать ее, и она окутала меня теплыми объятиями и облаком Chanel No. 5, а после поцеловала в каждую щеку.

– Очень приятно познакомиться с тобой, моя дорогая. – Она отступила назад, держась за мои запястья, и посмотрела на меня яркими глазами. – Ты похожа на свою бабушку.

– Мне говорили. Спасибо, миссис Озмонд, что разрешили мне остаться здесь.

– Зови меня Амалия. И тебе очень рады. – Она указала на наши места и заняла одно из них. – По правде говоря, ты тоже делаешь мне одолжение. Этому дому нужен глоток свежего воздуха. Нам с Сэлом стало совсем скучно.

Ни слова о Люсьене. Но я не хотела – не могла – спрашивать. Это же его бабушка. И что-то мне подсказывало, что, если я проявлю хоть малейший интерес к его местонахождению, она ухватится за эту идею и станет либо предостерегать меня от этого, либо пытаться сосватать нас.

– Это место совершенно великолепно, – сказала я ей.

– И правда. – Она огляделась, а после счастливо выдохнула. – Оно принадлежало моему второму мужу, Фрэнку. Венчурному инвестору. Что, конечно, означало много денег, но еще больше стресса. Дорогое сердечко не выдержало и сдалось три года назад.

– Мне жаль.

– И мне. Он был хорошим человеком. Не любовью всей моей жизни, но отличным компаньоном.

Я пыталась думать о том, чтобы выйти замуж за кого-то только ради дружеских отношений, и с ужасом поняла, что жила с мужчиной, которого терпела, в котором больше всего меня привлекала внешность. По крайней мере, Амалия согласилась на кого-то, кто ей нравился. Меня заманили красивое лицо и известное прошлое. Я стала тем самым человеком. И мне это не понравилось.

Этого больше не повторится. Отныне я не собиралась за падать на мужчину только из-за того, что мне понравится, как его задница выглядит в джинсах. Я нуждалась в большем. В связи, которая перебила бы все физическое. И это означало одно – нельзя вожделеть эти нефритово-зеленые глаза под суровыми бровями.

Амалия осматривала обширные владения.

– Это слишком большая территория для одной женщины. Даже смешно насколько. Но в Роузмонте есть нечто такое, что проникает в душу и успокаивает сердце. К тому же здесь полно комнат для гостей. – Она рассмеялась над очевидным

преуменьшением, и я улыбнулась. — Что ж, дорогая, — она положила свою холодную руку на мою, — можешь оставаться столько сколько захочешь. Позволь себе исцелиться.

Подобная доброта вызвала неожиданную волну эмоций, и я обнаружила, что часто моргаю.

— Вам не стоит так меня искушать. Что, если я никогда не уеду?

В ту минуту я хотела остаться навсегда. Спрятаться, будто маленькая девочка.

Она улыбнулась широкой и понимающей улыбкой.

— Что-то мне подсказывает, что ты никогда не остаешься сбитой с ног надолго.

Прежде чем я успела ответить, из дома вышел Сэл, катя тележку с едой, нагруженную подносами с накрытыми серебряными крышками тарелками и кофейным сервизом. Я вскочила, чтобы помочь ему, а он попытался меня прогнать:

— Все в порядке.

— Да, но все равно позвольте помочь, — предложила я.

Он стрельнул улыбкой в Амалию.

— Ты уже без ума от нее, Ама?

Глаза Амалии, так пугающе похожие на глаза Люсьена, засияли.

— Да, похоже, что так и есть.

К моим щекам прилил жар. Я плохо справлялась с комплиментами, и это печально, ведь люди любят подлизываться к известным актрисам. Не то чтобы Амалия и Сэл льстили

мне. Они искренне радовались встрече с настоящей мной. Но неуверенность трудно преодолеть.

– Я могла бы оказаться визжащей гарпией, – пошутила я. Амалия рассмеялась.

– Боже, я надеюсь, что время от времени ты бываешь своей нравна. Подозреваю, подобное качество может тебе в скором времени пригодиться.

С этими словами она взяла телефон в блестящем чехле, украшенном стразами, и набрала сообщение, а после сунула его обратно в карман.

– Итак, на чем мы остановились?

Амалия казалась слишком довольной собой. И я могла не спрашивать почему, ведь несколько мгновений спустя из-за угла выскочил ее ворчливый внук с таким встревоженным выражением лица, будто что-то случилось. Когда он увидел улыбающуюся Амалию, сидящую за столом, его шаги замедлились, а холодные зеленые глаза сузились. И я поняла – его провели.

Но он не развернулся и не ушел. Он сделал вид, будто все в порядке, и шагнул вперед. Блеск в его глазах обещал возмездие.

Глава четвертая

Люсьен

Я должен был догадаться. Обязан. Когда Мамй написала, что я нужен ей, и срочно, я бросил все дела и бегом ринулся ей на помощь. Я ведь знал – сейчас время ее чаепития с Эммой. Но о чем я мог думать – это о том, что Эмма могла пострадать, споткнуться или, черт подери, упасть с холма.

Смехотворно. Ну и придурок.

Все стало очевидным, когда я практически выбежал на террасу и обнаружил свою бабушку, Сэла и Эмму сидящими в явной безопасности и спокойствии. Эмма взглянула на меня, а затем отвела взгляд, словно смущенная. Наверное, это было... из-за меня. Потому что всем стало ясно – моя хитрая бабушка надула меня.

Возникла загвоздка. Я мог бы развернуться и уйти, но это стало бы сигналом для Эммы, будто я не хочу находиться рядом с ней. И это было недопустимо. Я мог пытаться избежать ее, но не хотел быть грубым.

Подходя к столу, я почти испытывал боль. Эта женщина будто повернула какой-то выключатель в моем теле, заставив меня реагировать на каждое ее движение. Она вздохнула, и я это заметил, черт возьми.

– Маμί, – обратился я к своей коварной бабушке, – ты звала.

Она совсем не раскаивалась.

– А, да. Время пить кофе. Присаживайся.

Я кланул зубами до боли в челюсти, подавил раздражение и занял свободное место напротив Эммы. Маμί хватило хитрости не посадить меня рядом с ней, чтобы я не мог притвориться, будто Эммы здесь нет. Она усадила меня так, чтобы я ее видел. И, вашу мать, хотел ее.

Эмма оглядывалась по сторонам, словно оценивая обстановку и соображая, как действовать. Я не винил ее. Это неловко – оказаться втянутым в чужие схемы.

Моя бабушка – зло во плоти. Я всегда это знал. Черт, меня всегда забавляло, когда она обращала свои злобные силы против других, и, наверное, по этой самой причине я мучился на этом адском чаепитии. Карма – та еще стерва.

Я посмотрел на путь отступления. Шансов сбежать было мало.

Маμί обратила свой орлиный взор на меня.

– Титу́, твоя чашка.

Подавив вздох, я протянул ей хрупкую фарфоровую кофейную чашку, которая казалась слишком маленькой для моей руки и могла разбиться от одного неверного движения.

Синие глаза оттенка индиго остановились на мне, золотые дугообразные брови изящно приподнялись.

– Титу́? Это твое прозвище? Ты не похож на Титу́.

Сэл хихикнул, подавившись кофе, а Эмма – черт возьми, даже имя у нее милое – скривилась, будто ей только сейчас пришло в голову, что, возможно, она груба.

Мамі рассмеялась добрым и нежным смехом.

– В некотором смысле это означает «маленький мальчик».

Глаза Эммы расширились, когда ее взгляд метнулся к моему телу. В груди вспыхнуло пламя. Я проигнорировал это. Но пропустить мимо ушей легкую хрипотцу в ее голосе не смог.

– Маленький мальчик?

Я в аду.

Мамі снисходительно улыбнулась.

– Ну, какое-то время он был маленьким.

– Должно быть, когда ему было два года, – добавил Сэл вполголоса.

Я бросил на него взгляд, и он подмигнул мне, прежде чем послать воздушный поцелуй.

– Два? – Мамі покачала головой, а затем отхлебнула кофе. – Нет. Мой Титу́ был маленьким довольно долго. Только когда он начал играть... – Она прервалась так резко, что чуть не задохнулась, ее белоснежная кожа побледнела еще сильнее.

Внутри меня все сжалось и перекрутилось. Я почти привык к этому ощущению, теперь это случалось так часто. Лучше почти не стало.

Маленькая морщинка пробежала между бровями Эммы,

когда она поняла, что что-то не так. Но Мама́ быстро собралась и натянула на лицо широкую улыбку.

– Играть, бегать и так далее. Это, должно быть, пробудило в нем желание расти. И, кстати об аппетитах, давайте поедим. Эмма, дорогая, ты просто обязана попробовать что-нибудь из этого.

Мама́ нравилось предоставлять богатый выбор угощений: на столе стояли различные макароны²⁴, тарелка сдобного печенья, наполовину пропитанного горько-сладким ганашем²⁵, пирожные с апельсиновыми цукатами и кардамоном и мой личный фаворит – Париж-Брест²⁶ с малиной.

Эмма колебалась, разглядывая различные подносы, расставленные на столе. Ее глаза остекленели, розовые губы раскрылись с тихим выдохом. Тоска и похоть слились воедино. И вот так просто я завелся.

Иисусе. Эта кофейная церемония когда-нибудь закончится?

– О, я не... – Эмма замерла, вступив в явный конфликт с желанием съесть сладкое. Все ясно. В течение сезона и на тренировках за нашим рационом строго следили. Фитнес

²⁴ Макаро́н – французское кондитерское изделие из яичных белков, сахара и молотого миндаля. Обычно делается в форме печенья; между двумя слоями кладут крем или варенье.

²⁵ Гана́ш – крем из шоколада и свежих сливок, используемый в качестве начинки для конфет и пирожных, а также для украшения десертов.

²⁶ Париж-Брест – французский десерт из заварного теста и крема со вкусом пралине.

был всем, и у тренеров возникали особые идеи о том, как достичь нужного телосложения. Я не питал иллюзий: в Голливуде дерьмовые и завышенные требования, особенно к женщинам.

Мамі положила руку на тонкое запястье Эммы.

– Знаешь, раньше я была моделью.

– Правда? – Эмма слегка покачала головой. – Я не удивлена. Вы прекрасны.

Мамі никогда не отличалась скромностью, если дело касалось ее внешности, но роль она исполняла великолепно.

– До чего же ты милая.

– Просто говорю правду.

Комплимент от одной потрясающей женщины для другой, предположил я.

– Это было в шестидесятых и семидесятых годах. – Мамі выбрала кардамоновый пирог и аккуратно поставила кусочек в центр своей тарелки, словно он произведение искусства. – Все должны были быть худыми, как палка. Предполагалось, что люди станут жить на воде и сигаретах, – сказала Мамі с некоторой резкостью, но в ее голосе присутствовала и дразнящая нотка.

Преувеличение – часть ее лексикона. Некоторых это сбивало с толку, поскольку они никогда не знали, говорит ли она серьезно. Эти люди никогда не получали второго приглашения.

Эмма, однако, усмехнулась.

– Я не пробовала сигаретную диету. Не уверена, что мои легкие выдержали бы.

– Конечно, нет. Держи их розовыми и здоровыми, дорогая.

– Я постараюсь.

Я не хотел думать ни о чем розовом или здоровом, относящемся к Эмме. Хмыкнув, я потянулся за ванильно-вишневым макаронном. Эмма заметила – казалось, она все поняла обо мне, так же как и я о ней, – и быстро отвела взгляд. Как и я, она пыталась игнорировать проблему. Почему-то от этого стало только хуже.

– Но что такое жизнь без еды? – продолжила Мамі, пожимая плечами. – Не та, в которой я хочу жить. Поэтому... – Она хлопнула ладонью по столу. – ...вот что нужно делать. Выбрать что-то одно на пробу и насладиться. Есть лакомство стóит медленно, позволяя вкусам играть на языке. А завтра? – Она снова беззаботно повела плечами. – Если почувствуешь, что тебе абсолютно необходимо что-то сделать для поддержания фигуры, соверши длительную пробежку в гору. Или, может, просто представь, что делаешь это, а затем продолжи свой день. Я бы так и поступила.

Эмма засмеялась. И каждый волосок на моем теле поднялся. Господи, ее смех действовал на меня каждый раз, когда я его слышал. Тот самый смех из спальни. Который ожидаешь услышать после классного утреннего ленивого траха, когда все вышло вяло и не слишком горячо, и вы смеетесь

просто ради удовольствия. Я проглотил кусок макарона, и он чуть не застрял в горле. Понятия не имею, почему именно эта аналогия пришла мне на ум. У меня точно никогда не было такого утра. Я никогда ни с кем не расслаблялся настолько, чтобы достигнуть подобного дзена.

Но образ застрял в голове. Я увидел ее в солнечном свете: золотые волосы разметались по моей смятой подушке, губы припухшие и мягкие. Проведя рукой по лицу, я попытался собраться. Нет уж, нельзя думать об этом. Взгляд Сэла столкнулся с моим, и выглядел он так, словно находился примерно в двух секундах от того, чтобы расхохотаться до упаду. Ага. Он точно знал, как сильно на меня повлияла эта ситуация.

– Только представьте, а? – сказала Эмма, все еще улыбаясь.

Я знал, что она говорила об упражнениях, но мой вновь обретенный сексуальный инстинкт воспринимал это по-другому, и я продолжал представлять нас в постели. *Адский ад*.

Мамі снова пожала плечами.

– Как и сама жизнь, еда предназначена для наслаждения. Никогда нельзя вступать с ней в войну, ведь мы редко побеждаем.

Улыбка Эммы походила на сияние солнца.

Я отвернулся и сфокусировался на Мамі. Она уговаривала Эмму выбрать пирожное. Впервые за все время в моем животе свернулся клубок нервов. Люди ели то, что я готовил, в течение многих лет. Мне было все равно, что они ду-

мают об этом. Выпечка и готовка – хобби, которыми я занимался только для себя и больше ни для кого. И все же, вот он я, желаю произвести впечатление на женщину с помощью приготовленных мною вкусностей.

Эмма прикусила щеку изнутри, и на ней появилась небольшая ямочка. С таким взволнованным выражением лица она походила на милого ребенка.

– М-м-м. Я даже не знаю. Все выглядит таким вкусным. – Она оторвала взгляд от угощений и оглядела всех нас. – Что посоветуете?

Сэл принялся ратовать за печенье. Мамі начала предлагать торт.

– Брест²⁷. – Слово вырвалось у меня изо рта рычащей командой.

Дерьмо.

Глаза Эммы расширились.

– Что, прости?

Сэл усмехнулся.

Ерзая на стуле, я боролся с желанием сбежать.

Ни при каких обстоятельствах не думай о ее голой груди, придурок.

Да уж, слишком поздно.

– Париж-Брест. – Дернув головой, я кивнул на пирожное в форме колеса. – Это десерт, названный в честь велогонки

²⁷ В английском языке слово breasts' означает «грудь», что созвучно с названием десерта «Paris-Brest».

на рубеже девятнадцатого века.

– Ах. – Она покраснела. Так мило. – Верно. Брест.

– Он очень вкусный, – сказала Мамі, прекрасно скрыв свое веселье. – Заварное тесто – знаешь, как в эклерах, – и начинка из крема пралине, а сверху свежая малина.

– О да, пожалуйста.

Прежде чем Мамі успела потянуться за сервировочным ножом, это сделал я. Ничего не мог с собой поделатъ. Если Эмма собиралась съесть что-то созданное мною, я намеревался обслужить ее сам.

Даже если наблюдение за тем, как она ест, в итоге прикончило бы меня.

Она взялась за край стола, будто пытаясь удержать себя от того, чтобы преждевременно не схватиться за тарелку. Жадная девчонка.

Мой член это одобрил. Пожалуй, даже слишком.

Настолько спокойно, насколько мог, я подал ей кусочек, добавив немного малины, а после обслужил еще и Сэла, чтобы чем-то занять руки. Они казались такими огромными, такими неуклюжими – из-за женщины ростом пять футов шесть дюймов²⁸.

Все мои попытки игнорировать Эмму оказались сплошным притворством. В ту же секунду, когда она подняла ложку, я сделал глубокий вдох, наблюдая, как ее розовые губки размыкаются, мельком увидел ее язык. Кусочек пирожного

²⁸ 170 см.

скользнул ей в рот, и она застонала.

Этот звук обвился вокруг моего члена, сжал мои яйца горячей хваткой. Я тоже чуть не застонал. Я знал, каков на вкус десерт у нее во рту, насколько гладким ощущается крем на ее языке. Это был мой крем. Я сделал его. Мои руки доставили ей это удовольствие, знала она об этом или нет. Ее стоны предназначались мне.

На меня нахлынул прилив энергии, и голова немного закружилась.

Она сунула в рот еще одну ложку с десертом. Медленно. Смакуя. Ее веки опустились. Ресницы затрепетали, и она вздохнула.

Святые угодники.

За столом повисла тишина, и Эмма остановилась, смущенно оглядываясь по сторонам. Затем слизнула с уголка рта золотистую крошку – она определенно собиралась меня убить.

– Извините. Это невероятно вкусно.

По всему телу пронеслось удовлетворение, чистое и прохладное, будто свежий лед. Мне хотелось взять эту ложку и начать кормить ее. Заставить ее стонать снова и снова. Дерьмо.

Заворчав, я положил себе кусок кардамонового пирога. Если бы я сейчас съел Брест, то, вероятно, кончил бы прямо в штаны.

– Где вы покупаете десерты? – спросила Эмма Мамй.

– О, я не покупаю, – ответила она. – Они домашние.

– Правда? – Эмма положила в рот малину. – Вы восхитительный пекарь.

Я бросил на Мамі быстрый предостерегающий взгляд, поэтому она просто отхлебнула кофе и неопределенно хмыкнула. Да, я был трусом и не хотел, чтобы Эмма узнала, что она ест то, что я приготовил. Я... стеснялся этого.

Сэл наблюдал за нами все время, явно находя мой дискомфорт чертовски забавным. Но вместо того, чтобы толкнуть меня под автобус, он бросил мне спасательный круг – вероятно, потому, что жил на моей территории и не хотел спать с одним открытым глазом.

– Мамі обладает множеством талантов. – Он поставил пустую кофейную чашку и потянулся за бокалом для шампанского. – Она научила меня шить.

– Это правда, – подтвердила Мамі. – Он был милым маленьким мальчиком, пробирался в мою гримерку, чтобы поиграть с моими платьями, пока его отец работал тут.

– Папа – бизнес-менеджер Амалии, – объяснил Сэл.

– Однажды, – продолжила Мамі, – Сальвадор случайно разорвал Halston²⁹.

– Ох, – взвыл Сэл, закрывая лицо руками. – Это было винтажное золотое вечернее платье из ламе³⁰.

²⁹ Halston Heritage – знаменитый американский бренд изысканной одежды.

³⁰ Ламе – парча с шитьем металлическими нитями по основе, изготовленной обычно из синтетических или искусственных волокон. Обычно ламе золотого

Я понятия не имел, что это значит, но, судя по выражению лица Эммы, она крайне сочувствовала Сэлу.

Мами нежно рассмеялась.

– Он так расстроился из-за этого, что я решила научить его, как все восстановить.

– И никогда такого не повторять, – улыбнулся Сэл. – Она подарила мне Halston на шестнадцатый день рождения.

Эмма положила подбородок на сцепленные руки.

– Вы надели его?

– К сожалению, тогда я еще не был готов к подобному. А к тому времени, когда осмелился, эта штука не налезала на мои бедра. Оно до сих пор висит у меня в шкафу. Можешь попробовать вырвать его из моих хладных, мертвых рук.

Эмма снова засмеялась. А я запихнул в рот еще один макарон. Вероятно, я собрался вывалиться из-за стола, объевшись сладостями, но лучше так, чем пялиться на Эмму влюбленными глазами, как идиот.

– Я была счастлива иметь рядом человека, разделявшего мою любовь к моде, – сказала Мамй. – Увы, мой милый Титу этим совсем не интересовался.

– Откуда ты знаешь, Мамй? – Я взял еще один макарон. – Ты ведь никогда не спрашивала.

– Ну, теперь бы могла. – Она игриво шлепнула меня по руке.

Уголок моего рта приподнялся.

– Слишком поздно. Я оскорблен и уже не заинтересован.

– Дерзкий мальчишка. – Мамі усмехнулась, а затем сморщила носик.

Эмма наблюдала за нами своими зоркими глазами.

– Вы двое очень близки, – сказала она, когда наши взгляды встретились.

– Мы были близки даже до смерти моих родителей.

Если Мамі и удивилась тому, что я рассказал Эмме о родителях, то не подала виду. Она с нежностью посмотрела на меня затуманенными глазами. Я мог бы смягчиться из-за этого взгляда. Но потом вспомнил ее назойливое вмешательство в мою личную жизнь. Я бросил на Мамі косой взгляд.

– В детстве она читала мне сказки на ночь.

Мамі внезапно заинтересовалась несуразными коктейльными кольцами³¹ на своих пальцах. Неужели она действительно думала, что я забуду маленькую уловку, которая привела меня сюда?

Я переключил внимание на Эмму.

– Моей любимой была «Мальчик, который кричал «Волк!»»³².

Губы Эммы дернулись, в глазах засиял свет, и я вдруг понял, что реагирую на это так, будто этот свет льется прямо-

³¹ Коктейльное кольцо – это яркое и массивное украшение, которое носят на правой руке, потому что именно в ней леди держит бокал с коктейлем.

³² «Мальчик, который кричал «Волк!» – одна из басен Эзопа. Данная фраза означает, что ложь дискредитирует человека, в результате чего в его последующие истинные утверждения не верят.

ком на мою душу, расширяя пустую пещеру внутри ее. Я боролся с улыбкой, яростно боролся, ведь все, чего я хотел, – это широко улыбнуться и рассмеяться вместе с ней.

– Она напугала меня до смерти, – мягко продолжил я, – и я больше никогда не вводил никого в заблуждение.

– О, ну ладно, – весело пожурела меня Мамй. – Считай, что наказал меня. А теперь заткнись и ешь свой пирог. Будь хорошим мальчиком, ага?

Смешок вырвался из меня прежде, чем я успел сдержать его. Чертовски хорошее ощущение. Мне стало легче, когда я увидел Эмму: ее губы приоткрылись, словно в изумлении, а голубые глаза сверкнули. А затем она улыбнулась мне, словно я сделал ее день лучше, просто рассмеявшись.

Улыбка пронзила меня в самое нутро, и на секунду я забыл, как дышать. Единственный раз, когда я чувствовал себя так, – когда я летел надо льдом, петляя между защитниками, и легким движением запястья отправил шайбу в сетку.

На меня обрушились горе и утрата, такие холодные и темные. Воспоминания выбили из меня смех, и я поймал себя на том, что спешно вскакиваю на ноги, гремя посудой. Кровь прилила к голове, горло болезненно сжалось. Мой голос звучал будто издалека, когда я пробормотал отстойное:

– Прошу меня извинить. Нужно вернуться к работе.

А затем я бросился прочь, зная, что все они смотрят на меня, и чувствуя себя полным идиотом. Я не мог найти в себе силы беспокоиться об этом в тот момент. Лишь в одном я

был уверен: мне нужно держаться подальше от Эммы Марон.

* * *

Мами выследила меня часом позднее. Это оказалось несложно – я был на кухне. Когда хоккей ушел из моей жизни, кухня стала моим убежищем, единственным местом, которое по-прежнему казалось мне знакомым и чистым. Здесь я полностью контролировал ситуацию. Здесь я все еще был королем.

Я не оторвался от разделывания лимона Мейера³³. В уничтожении фруктов есть определенное удовлетворение.

– Что готовишь? – спросила Мамí, подходя к длинной мраморной столешнице. Учитывая, что отец Мамí, мой прадедушка, обучал меня, она точно знала, как много значит для меня выпечка и что мне нужно, чтобы вернуться к ней. В тот день, когда я возвратился в Роузмонт, разбитый и поверженный, она чуть ли не силой затолкала меня на кухню и велела приступить к работе. С тех пор я готовил для нее и Сэла.

– Лимонный тарт³⁴.

Мамí посмотрела на двенадцать маленьких формочек, которые я приготовил.

³³ Лимон Мейера – растение рода Цитрус семейства рутовых, результат естественной гибридизации помело, мандарина и цитрона.

³⁴ Лимонный тарт (*фр.* tarte au citron) – французский открытый пирог из песочного теста со сладкой и нежной лимонной начинкой.

– Маленькие тарталетки. Вкусно.

Я хмыкнул. Сначала я сделал тарталетки, а после начал заниматься тестом, которое планировал оставить в холодильнике на ночь. Я экспериментировал с булочками для завтрака, и, похоже, метод сработал. Хотя тесто оказалось весьма привередливым. В один день все удавалось на ура, а во второй – не удавалось вовсе.

И все же я бы предпочел работать с тестом, взять от этого занятия... немного энергии. А тарталетки... ну, их нужно было сделать.

– Прошу прощения, что ушел так внезапно.

Эти слова принесли боль, но многие вещи делали это.

Мамі без осуждения цокнула.

– Понимаю. Хотя, возможно, наша гостья могла не понять.

Наша гостья. Мои внутренности неприятно перевернулись. Во мне было шесть футов четыре дюйма роста и двести двадцать фунтов костей и мышц. Мужчины боялись встретиться со мной лицом к лицу. А я убегал от женщины ростом пять футов шесть дюймов, которую мог поднять одной рукой, как будто моя задница была в огне.

Что она подумала обо мне? Я схватил еще один лимон, надрезал его и раздавил над ситом голой рукой. Яркий, свежий цитрусовый запах заполонил мои легкие. *Ей нравится запах лимонов.* Эмма сказала, что они напоминают ей о счастье.

На кухне было тепло от печей, в которых я пек багеты. На

плите кипел ужин, выделяя аромат запеченных в вине овощей и тимьяна. Обычно я находил удовольствие в этих вещах, но не сегодня.

– Ты считаешь, я должен перед ней извиниться, не так ли? – выпалил я.

Мамí долго смотрела на меня, а затем вздохнула.

– Только если хочешь. Неискренние извинения ничего не сто́ят.

– Я сделаю это, – сказал я, концентрируясь на лимонах. – Но особого желания нет.

Она рассмеялась, положив холодную руку на мое плечо.

– Ах, Титу́, твоя откровенность прекрасна. Никогда не меняйся.

– Хм-м.

– Оставь пока все как есть. Может, позже...

– Мамí, – я отложил лимон и повернулся к ней, – ты должна прекратить эту чушь со сватовством.

– Сватовством?

Я посмотрел на нее долгим взглядом.

– Я серьезно. Мне сейчас не нужны отношения.

Мысль о том, чтобы открыться кому-то, тем более тому, кто может завладеть моим сердцем и, следовательно, разбить его, заставила мой желудок сжаться.

Я держался подальше от женщин с тех пор, как Кассандра ушла меньше чем через месяц после того, как я бросил игру. Она предельно ясно дала понять: мое положение в хоккее

– это то, что она ценила. С другой стороны, я был в таком раздвиге тогда, так что тоже должен взять на себя некоторую вину за расставание. Со мной было совсем непросто находиться рядом. Я огорчился, когда она ушла, но не скучал по ней, и это говорит о многом. Я стал тем самым человеком: поверхностным типом, который желает кого-то не за то, кто он есть, а лишь за то, что этот человек облегчает ему жизнь.

– Кто говорит об отношениях? – возразила Мамі, будто это совсем не то, что она замыслила. – Я просто думаю, что тебе не помешала бы компания кого-то твоего возраста.

– Сэл моего возраста, – заметил я, лишь бы подразнить ее.

– И, если бы ты на самом деле проводил с ним время, может, я бы так и не волновалась.

– Мы достаточно много времени проводим вместе. Он говорит мне, что хочет поесть, а я говорю ему не оставлять обувь у бассейна.

Сколько раз я спотыкался об эти его чертовы фиолетовые сабо... Я уже был готов бросить их ему в голову, если это повторится.

– О, ну конечно, весьма глубокие разговоры. – Она фыркнула, затем протерла столешницу, будто пытаюсь отчистить ее. Мое рабочее место было безупречным. – Эмма другая.

Неужто.

– Возможно, ты смог бы найти с ней связь.

– Найти связь?

– Да, связь, – хмыкнула Мамí. – Она тоже немного потерялась в жизни.

– Мамí... – Я устало провел рукой по лицу. – Я не немного потерялся в жизни. Я... – Разбит. Я закрыл рот и схватил коробку яиц и миску. – Я не тот человек, которым был. Его просто... больше нет. А тот, кто остался на его месте, не самый лучший вариант для разумной женщины.

Яйцо ударилось о стенку миски, и я осторожно открыл его, сосредоточившись на отделении бледного белка от темно-золотистого желтка.

– Головные боли, разочарование, ярость, апатия. Я пытаюсь контролировать все это, но оно все равно со мной. Не подталкивай ее ко мне. Она заслуживает больше, чем я когда-либо смогу ей дать, Мамí.

Я не видел, как бабушка шевельнулась, но внезапно ее хрупкие руки обвились вокруг моей талии. Она обняла меня сзади, оперев голову в мою спину.

– Титú. Мой ангел.

Я закрыл глаза, чувствуя себя ужасно близко к тому, чтобы расплакаться. *Я не плачу.* Даже когда мне сказали, что с хоккеем покончено, я не проронил ни слезинки. Но я нуждался в том, чтобы она поняла.

– Я потерял все, что хоть что-то значило для меня.

Мамí удивительно сильно и яростно стиснула меня в объятиях.

– Ты здесь. И ты жив. – Она отпрянула и посмотрела на

меня сердитым взглядом. – Может, сейчас ты ощущаешь пустоту. Но ты жив. И это все, что имеет значение.

В этом и состояла проблема. Я мог бы остаться в спорте, который любил всем сердцем. И рискнуть умереть. Я выбрал жизнь, но не ощущал ее. Тренировочный лагерь собирался стартовать через несколько недель. Это знание зияло черной дырой в моей груди.

Выдохнув, я разбил еще одно яйцо.

– Я здесь, – согласился я. – И этого пока должно быть достаточно.

Она что-то промычала, и звук вышел неприятно похожим на мои собственные уклончивые «хм-м».

– Я больше не буду на тебя давить, Титу́. Только имей в виду, что здесь теперь живет молодая женщина, которая тоже одинока и не уверена в жизни.

Как будто я мог об этом забыть.

Глава пятая

Эмма

После внезапного ухода Люсьена – то есть побега из-за стола – я провела остаток времени, ведя неловкие беседы с Амалией и Сэлом.

Ни один из них не извинился за Люсьена, но я и не ждала, что они это сделают. Очевидно, с ним что-то происходило. Не мне было это исправлять – или его самого. Однако это не остановило меня от желания узнать его. Это беспокоило.

Я совершила долгую прогулку по тропинкам, петлявшим через сады с видом на море. К тому времени как я закончила, солнце превратилось в жидкий огненный шар, тонувший в море цвета индиго. Я понаблюдала за закатом, обхватив себя руками, чтобы согреться, а затем направилась к себе.

Я сказала Амалии, что планирую остаться на ужин, а когда вернулась, обнаружила на плите форму для запекания с чем-то горячим, бутылку красного вина и хрустящий багет. В форме оказался умопомрачительно вкусный петух в вине³⁵, которым я наслаждалась перед камином, обмакивая куски хлеба в густой темный соус и потягивая ароматное ка-

³⁵ Петух в вине – классическое блюдо французской кухни из курятины.

берне.

Одно было ясно: меня собирались избаловать вкусной едой. Я чуть не пропустила маленькую белую коробочку в холодильнике, заметила ее только тогда, когда пошла убрать остатки ужина. Заинтересовавшись, я вытащила коробку и развязала красную ленту, которая удерживала ее закрытой.

Внутри лежал золотисто-желтый пирог с заварным кремом, таким гладким и блестящим, что он сиял в кухонном свете, будто маленькое солнышко. В центре пирога находилось крошечное сердце из взбитых сливок с листиком розмарина, пронзившим нежную серединку.

Обрадовавшись, я достала пирог и поставила его на тарелку. Он был слишком хорош, чтобы его есть, и мой рацион определенно не нуждался в большем количестве сладостей, но тут я вспомнила восхитительное карамельно-сливочное наслаждение от дневных угощений и не смогла устоять.

Заварной крем аккуратно отделился, кромка чуть-чуть осыпалась. Закрыв глаза, я провела ложкой по губам и застонала. Терпко-сладкий лимон, яркий, как заря, играл с нежным кремом и маслянистой корочкой. Идеально сбалансированный, он скользнул по моему языку, точно поцелуй, неуловимо дразня, побуждая сделать еще один укус.

Зависнув над столешницей, я ела этот пирог с закрытыми глазами, кусочек за кусочком. Позволяла этому процессу волновать мою душу.

Ненормально проявлять эмоции по отношению к десерту,

однако я поймала себя на том, что плачу. Вкус этого пирога странно напоминал надежду. Возможно, говорил он, все было бы хорошо, если бы такие вещи существовали в мире.

Кто-то вложил все свое мастерство и заботу в то, что не могло длиться долго, но приносило удовольствие в данную секунду. Мне тоже стало не все равно.

Ложка ударилась о пустую тарелку, и я со всхлипом открыла глаза. Я отказывалась облизывать тарелку. Но потом сдалась и провела по ней пальцем, чтобы поймать последнюю каплю заварного крема. Пососав палец, я поставила тарелку в раковину, затем схватила толстый свитер, который оставила на стуле.

После такого удовольствия я нуждалась в воздухе. Все еще взволнованная, но довольная, я вышла на балкон, выступавший из моей спальни. Отсюда я могла ясно видеть бассейн, находившийся внизу.

Он светился в темноте глубоким бирюзовым светом. По струйкам пара, поднимающимся от воды, стало ясно, что бассейн с подогревом, и я на мгновение подумала о том, чтобы пойти поплавать. Но я чувствовала себя слишком сытой, чтобы двигаться.

Вид был очаровательным. Фонари освещали тропинки, петлявшие по саду. Голос Эдит Пиаф³⁶, печальный и такой горько-сладкий, уплывал в ароматную ночь. Положив руки

³⁶ Эдит Пиаф – французская певица и киноактриса.

на перила балкона, я слушала «Жизнь в розовом цвете»³⁷, и мне казалось, будто я нахожусь в классическом фильме. Я видела сценарий:

СТАРОЕ ПОМЕСТЬЕ В КАЛИФОРНИИ, НОЧЬ.

Молодая женщина задумчиво смотрит во тьму. Свитер висит на ее плечах, защищая от холода.

Меня так захватила фантазия, что я едва не упустила чью-то фигуру в тени у бассейна. Мужчина вышел на свет и устоял на воде. Одетый в джинсы и темную рубашку с длинными рукавами, он стоял ко мне спиной. Но я сразу узнала его рост и ширину сильных плеч. Люсьен.

Он поставил ящик с инструментами у лестницы бассейна и достал отвертку, чтобы затянуть болты вокруг основания. Сделав это, он отодвинул ящик в сторону и встал, чтобы размять мышцы, а после опустил руки.

Пока я пялилась на него, он смотрел на воду, будто она могла дать ему ответ. Какой, я понятия не имела, но внезапно вниз по моей спине поползла струйка беспокойства. Потому что он казался потерянным. Я могла ошибаться, но изучение языка тела было частью моего ремесла. Его язык тела буквально кричал о крахе.

Слегка выпрямившись, я подумала, не окликнуть ли его. Но что сказать? Я понятия не имела. *Нужно оставить его*

³⁷ La Vie en rose (с фр. — «Жизнь в розовом цвете», «Жизнь сквозь розовые очки») — композиция каталонца Луиги, ставшая визитной карточкой французской певицы Эдит Пиаф, которая написала к ней слова.

наедине с собой. Я как раз собиралась это сделать.

Но тут он двинулся.

Все мысли вылетели у меня из головы, когда он стянул рубашку через голову, обнажив элегантный изгиб спины, напряженные мускулы, струящиеся под гладкой кожей. Руки, подобные рукам статуи греческого бога, высеченного из камня, потянулись вниз, и...

– О, святой боже, – с горячностью пробормотала я.

Люсьен скинул джинсы и обнажил задницу, которая, честно говоря, выглядела впечатляюще. Упругие ягодички дрогнули, когда он одной ногой отшвырнул джинсы.

Отвернись. Убирайся отсюда.

Нельзя смотреть.

Я жаждала уединения, а сама откровенно пялилась на то, как Люсьен раздевается догола. Он тоже заслужил приватность. Но я не могла моргнуть. Не могла двинуться с места. Он был... прекрасен. Мои пальцы крепко вцепились в перила.

Свет бассейна придавал его коже неземной зеленоватый оттенок. Он повел плечами – уф... – а затем нырнул. Вода пошла рябью. Я дрожала от желания, пока наблюдала за ним, опускающимся на дно бассейна, – за бледной стрелой из плоти, проносющейся сквозь бирюзовое сияние.

Он совершенно бесшумно вынырнул на противоположной стороне бассейна, аккуратно повернулся, чтобы сделать круг. Идеально сложенный. С длинными сильными руками.

Выполняющий чистые, уверенные движения.

Эдит Пиаф продолжала петь, пока Люсьен задавал устойчивый, но brutальный темп. Он плыл круг за кругом. У меня закружилась голова от неподобающих мыслей о его выносливости. Ночь выдалась прохладной, но моя плоть горела. Боже, эта вода выглядела так хорошо. Я практически чувствовала, как она пробегает по моей лихорадочно горячей коже.

Мое сердце колотилось о ребра в такт ударам его рук, рассекающих воду с повторяющимся всплеском. Я не моргала. Я обманывала себя, думая, будто должна продолжать следить за ним. Чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

Точнейшее из оправданий. Но в том, как он атаковал воду, в том, как двигалось его тело, было нечто такое, что я не могла игнорировать.

Когда он наконец остановился, опершись руками о ближайший край бассейна, заиграла «Non, je ne regrette rien»³⁸. Люсьен задержался там на несколько секунд, вероятно пытаясь отдышаться. Вода капала с его волос на лицо.

Мне нужно уходить. Необходимо.

Прямо сейчас.

Музыка наполняла ночь, гордая, полная надежд, горько-сладкая.

Я чувствовала вокруг себя эту атмосферу. Как и вокруг

³⁸ «Non, je ne regrette rien» (с фр. – «Нет, я не жалею ни о чем») – французская песня, которая была написана в 1956 году и обрела наибольшую популярность в исполнении Эдит Пиаф.

него. И в этот момент мне стало жаль Люсьена. Я не знала, почему он испытывал страдания или что им двигало. Но мне хотелось обнять эти широкие плечи и никогда не отпускать.

Затем он уперся своими большими руками в бортик бассейна и легким движением вытолкнул себя из воды.

– Боже милосердный...

Мои колени подогнулись, и я схватилась за перила, чтобы не упасть. *О, Эдит, я тоже ни о чем не жалею.*

Он выглядел как скульптура Бернини³⁹ – Тритон, смотрящий на простых смертных свысока. Вода спускалась по рельефам мускулов, стекая по впадинам, прорезая канавки, направляясь прямо к... его члену. Даже издалека я видела, насколько он впечатляющий. Длинный, толстый, с широкой головкой и большими яйцами. Мои губы приоткрылись, жар охватил щеки, а соски напряглись.

Люсьен провел руками по влажным волосам, убирая сияющую темную массу с чистого, сильного лица. Он не был типичным красавчиком, не был моделью – слишком грубый для этого, он весь состоял из жестких линий и агрессии. Но выглядел таким красивым.

И мрачным. Это немного остудило мой пыл. Выражение его лица казалось крайне суровым. Холодным как лед. Я могла бы всю ночь поэтизировать его внешность, но это не изменило бы того, что Люсьен оставался для меня незнакомцем. Отстраненным и закрытым, точно ледяная стена. Я вы-

³⁹ Джованни Лоренцо Бернини – итальянский архитектор и скульптор.

росла среди мужчин с таким выражением лица. Я сбежала от таких мужчин. А сегодня он сбежал от меня. Мне следовало помнить об этом и держаться на расстоянии.

Я медленно попятилась. Люсьен двигался вниз, то ли собирая одежду, то ли снова собираясь поплавать, я не знала. Не смела смотреть. Я с самого начала не должна была плясать на него. Не должна была позволять себе увлекаться фантазиями о нем.

Глава шестая

Эмма

В моем маленьком домике имелась кухня, однако я начала задумываться о том, понадобится ли она мне когда-нибудь. Я проснулась от удивительно спокойного сна – это странно, ведь мне снились образы обнаженного мужчины, плавающего бесконечными кругами, – и обнаружила, что солнце ярко светит в окно, а настроение у меня невероятно хорошее. Кто-то постучал в дверь. Я надела халат и, открыв ее, обнаружила на пороге Сэла с большой плетеной корзиной для пикника в руках.

– Завтрак, – воодушевленно объявил он.

– Тебе не стоило так утруждаться, – сказала я, забирая корзинку.

– Детка, ни при каких обстоятельствах не говори «нет» домашней кухне. – Он пошевелил бровями. – Поверь мне. Пропустишь вкусняшки.

Из-под крышки доносился восхитительный аромат свежего хлеба, так что в его словах я не сомневалась.

– Хочешь, поделюсь? Могу сварить кофе.

– Конечно. Но кофе уже в корзине. У нас здесь не одобряют фильтрованный.

– Ух ты.

Неудивительно, что корзина весила целую тонну.

Я впустила Сэла, и мы вместе выложили содержимое корзины на кухонную столешницу. Помимо кофе из френч-пресса и свежих жирных сливок, там лежал бутылек густого медового йогурта, тарелка с блестящими фруктами – медовой дыней и вишней, а также небольшая баночка клубничного варенья и вкусно пахнущие булочки.

– Улитка⁴⁰, – проинформировал меня Сэл. – Амалия их обожает.

– Пахнет божественно. – Я немного наклонилась, понизив голос: – Только не говори ей, но я терпеть не могу изюм. Так что можешь сам их съесть.

– О, я ни словом не обмолвлюсь Амалии, – торжественно пообещал Сэл. – Но этот дом найдет способ узнать, что тебе нравится.

– Ты говоришь так, будто дом – это живая сущность.

– Когда дело касается кухни, чаще всего так и есть.

Я засмеялась и стала выкладывать вкуснятину на серебряный поднос, который Сэл принес с собой.

– У нее темпераментный шеф?

– Весьма. Но тебе о нем волноваться не стоит. Если ваши пути и пересекутся, уверяю тебя, он будет вести себя рядом

⁴⁰ Pain aux raisins, также называемая Escargot или Pain Russe, представляет собой спиральное тесто, которое во Франции часто едят на завтрак. Его названия переводятся как «хлеб с изюмом», «улитка» и «русский хлеб» соответственно.

с тобой словно большой котенок.

– Нет уж, спасибо. По работе я достаточно часто сталкивалась с большим эго.

Сэл явно боролся с желанием ухмыльнуться, но затем просто взял поднос, а я схватила серебряный графин для кофе и красивые фарфоровые чашки.

Мы вынесли завтрак на террасу и поставили его на маленький кофейный столик. Часть меня желала избежать этого места, открывавшего прекрасный вид на бассейн, однако это было бы трусостью. Кроме того, сейчас его там не было. Я старалась не чувствовать разочарования. Или вины.

– Итак... – Сэл откусил кусочек дыни. – Какие у тебя планы на сегодня?

– Абсолютно никаких.

– Отлично.

Я попробовала йогурт и чуть не застонала. Господи, вся еда здесь оказывалась просто потрясающей. Насыщенный и сливочный, с легким оттенком меда, йогурт растаял на моем языке и пробудил вкусовые рецепторы. Глоток кофе с нотками шоколада и карамели заставил меня благодарно вздохнуть.

– Если подумать, мне определенно нужно заняться спортом, иначе скоро я не влезу в свою одежду.

– Вيني нового шеф-повара Амалии. Я набрал десять фунтов⁴¹ только за этот месяц. – Он погладил нечто похожее на

⁴¹ 4,5 кг.

небольшой животик, спрятавшийся под развевающейся шелковой блузкой с ярким сине-фиолетовым узором.

– Это Пуччи⁴²? – спросила я, а затем продолжила есть свой йогурт.

– Ты разбираешься в моде.

– Элис, одна из дизайнеров по костюмам, не переставая болтала о моде. – Мое хорошее настроение развеялось по ветру, едва я поняла, что понятия не имею, когда увижу ее снова.

Сэл, должно быть, заметил это и посмотрел на меня с добротой.

– Ты скучаешь по сериалу, когда сезон подходит к концу, верно?

Он не знал, что я никогда уже не вернусь. Мне хотелось ему рассказать, но я не стала. Однако это не означало, что я не могла признаться в парочке вещей.

– Ага. Я каждый раз думаю, что тяжело не будет... – Взгляд затуманился, и я быстро заморгала. – Это смешно. Ведь жизнь актера – это путешествие от одной роли к другой. Мы делаем свою работу, идем домой... но порой возникает такая химия, что... ты и в самом деле начинаешь скучать по всем, когда сезон подходит к концу.

– То, что хорошие вещи, так или иначе, заканчиваются, не значит, что нам нельзя по ним скорбеть.

– Ты прав.

⁴² Эмилио Пуччи – итальянский модельер.

Господь знает, как сильно я скорбела.

– Кроме того, ты вернешься в следующем сезоне. – Сэл положил немного фруктов мне на тарелку. – Попробуй дыни. Они просто потрясающие.

Они и правда были очень хороши.

После того как Сэл ушел, настояв на том, чтобы отнести корзину обратно на главную кухню, я свернулась калачиком на глубоком двухместном диванчике у пустого камина и попыталась почитать. Но мои мысли продолжали блуждать, отвлекаясь на образы мощных бедер и подтянутого пресса.

Я не знала, что, черт возьми, со мной не так. Я ведь уже видела голых мужчин. Блин, да Сэйнт обладал телом настоящего бога, и мы снимались полуобнаженными в бесконечном количестве сцен, и я даже глазом не моргнула. Я воспринимала его как декорацию. У придурка Грега тоже было отличное тело, которым я восхищалась, – до момента, когда узнала, что этот урод мне изменяет.

Но пылающие жаром воспоминания о голом Люсьене выносили мне мозг. Я хотела к нему прикоснуться. Мне хотелось провести языком вверх по аккуратной ложбинке между его мускулами на прессе, чтобы собрать эти чертовы капли воды, а затем прикоснуться ртом к тугому соску и щелкнуть по нему, заставив Люсьена вздрогнуть и застонать.

– Ох, да чтоб меня! – воскликнула я, отбросив журнал в сторону и поднявшись. Читать не получалось. Я хотела на воздух.

Раз уж у меня не получалось избавиться от образа Люсьена, я собиралась выбить клин клином. То есть поплавать в бассейне. Может, холодная вода смыла бы мой грех вуайеризма⁴³.

Решив наплевать на взятые с собой бикини, я надела бледно-голубой слитный купальник в стиле ретро, в котором могла бы плавать, не беспокоясь о том, что что-нибудь выскочит или развяжется. Я прекрасно осознавала, как лицемерно мое нежелание выставлять напоказ тело перед любыми потенциальными наблюдателями, ведь я сама провинилась в том, что накануне вечером занималась подглядыванием. Но я не пыталась привлечь внимание. Я хотела плавать.

Конечно, Эм. Продолжай убеждать себя, что хочешь только этого.

Я сказала своему внутреннему голосу заткнуться к чертям собачьим и надела через голову желтый сарафан. Намазавшись солнцезащитным кремом и надев шляпу, я схватила сумку для бассейна и направилась к выходу.

Территория вокруг главного дома пустовала. Вдалеке я слышала звук газонокосилки или, может быть, садовых ножниц, значит, где-то поблизости находились люди. Сэл сказал мне, что намеревается провести день за покупками

⁴³ Вуайеризм (фр. voyeurisme от voir – «видеть») или визионизм (лат. viso – «глядеть, смотреть») – сексуальная девиация, характеризующая побуждением подглядывать за людьми, занимающимися сексом или «интимными» процессами: раздевание, принятие ванны или душа, мочеиспускание. Вуайеризм в большинстве случаев связан с тайным наблюдением за другим человеком.

тканей в Санта-Барбаре. Я понятия не имела о планах Амалии, но не хотела навязываться ей. Что касается Люсьена, он сказал, что ремонтирует остальные гостевые дома. Я заметила два из них, спрятанных вдоль другой стороны участка, куда более удаленных, нежели мой. Так что, возможно, он был там.

Это не имело значения. Я приехала сюда не ради Люсьена. Тем не менее, когда я приблизилась к бассейну, у меня в животе все напряглось. Каблуки босоножек с ремешком на пятке цокали по терракотовой брусчатке. Неподвижная вода в бассейне сияла темной синевой на солнце. И хотя я собиралась поплавать, прошла мимо, будто Люсьен мог выскочить из глубины бассейна и увидеть меня. Нелепо, учитывая, что в кристально чистой воде никакого горячего парня не наблюдалось.

В дальнем конце стоял пляжный домик с итальянскими колоннами, которые поддерживали террасу, увитую глициниями. Стекланные французские двери оказались открыты. Я не могла не заглянуть внутрь. И оказалась в прекрасной гостиной, выполненной во французском деревенском стиле: темно-синие стены, ковры из сизáля⁴⁴, выцветшие желтые льняные кушетки и красивые алебастровые лампы с голубыми абажурами, расставленные повсюду.

С одной стороны находилась мини-кухня, а с другой – за

⁴⁴ Сизá ль – натуральное грубое волокно, получаемое из листьев растения *Agave sisolana* из рода агавы.

парой распахнутых синих портьер из дамаста⁴⁵ в нише спряталась белая железная кровать. Несколько произведений искусства лежали на полу, прислоненные к стене. Рядом с ними стояла коробка с маленькими вазами и различными декоративными безделушками.

Кто-то либо все еще распаковывал вещи, либо убирал их. Потом я заметила пару выцветших джинсов, кучей лежащих у изножья кровати, и поношенные рабочие ботинки, брошенные рядом с ними.

Кровь прилила к кончикам пальцев, а затем обратно к щекам. Я узнала эти джинсы.

Это его комната. Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

С бешено колотящимся сердцем я развернулась, чтобы убежать, и чуть не врезалась в широкую грудь. Двойное дерьмо. Жар обжег мои щеки, и я поморщилась, желая убраться отсюда подальше. Но этому не суждено было случиться.

Абсолютную тишину прорезал глубокий ворчливый голос:

– Помочь тебе с чем-нибудь, Эм?

Проглотив свое достоинство, я вздернула подбородок – потому что он чертовски высок – и повернулась к нему лицом. От холода в его бледно-зеленых глазах по телу пробежала дрожь. Он осмотрел меня так, будто нашел крысу в своей комнате.

⁴⁵ Дамаст – узорчатый материал китайского происхождения, используемый для пошива эксклюзивной одежды и оформления интерьеров в восточном стиле.

Я облизала пересохшие губы и попыталась заговорить. Голос прозвучал высоко и трескуче:

– Нет?

Ледяные глаза сузились.

– Ты не знаешь? Нам нужно что-то обсудить? Может, твою склонность отвечать на вопросы неуверенным «нет»?

Ох. Ну уж нет, я не собиралась вести себя как тряпка. Я вздернула подбородок, и это, к сожалению, подчеркнуло мою грудь, хотя он, казалось, не заметил.

– Я собиралась пойти поплавать.

Боже, это прозвучало смешно.

Он поднял бровь, как будто соглашаясь со мной.

– Бассейн в той стороне, Эм.

Эм. Мне нравилось, как он произносил мое имя. Столько чувства в одном слогe. А вот насмешливое самодовольство в его глазах не нравилось совсем.

– Я в курсе.

– И? Ты решила сначала повынюхивать тут?

Если до этого момента я не походила на помидор, то теперь была близка к этому. *Плевать. Просто сыграй.*

– Нет, я не решала повынюхивать. Я ходила вокруг бассейна, увидела открытую дверь и...

– Стала вынюхивать.

Я зарычала. Вышло похоже на рычание котенка. Люсьен помедлил, но его безразличное, непреклонное выражение лица не изменилось.

– Разнюхивание подразумевает, что я рылась в твоих вещах. Быстрый взгляд на комнату – это больше... – Я затихла, подыскивая нужное слово.

Он сомнительно хмыкнул, скрестив свои мускулистые руки на груди, и одарил меня взглядом, отчетливо говорившим – он знает, что это ложь, но наслаждается тем, как я пытаюсь выпутаться из ситуации.

Проклятье. Я выдохнула.

– Ладно. Извиняюсь за то, что вынюхивала. Я не хотела. Просто комната очень красивая. – «Слишком красивая для такого, как ты», – мысленно добавила я.

Как ни странно, я почти уверена, что он услышал невысказанную критику. Его губы дернулись, привлекая мое внимание. Они казались бледными на фоне темной щетины на челюсти и подбородке. Бледными и широкими. Подвижный рот, как назвала бы его Тейт. Выразительные губы, готовые к поцелуям.

За исключением случаев, когда они кривились в мрачной гримасе. Я вдруг поняла, что пялюсь на него.

– Закончила?

Я вздрогнула от прямо поставленного вопроса. Боже, неужели и правда пялилась? Я хотела посмотреть на них снова. И это ужасно, учитывая, что Люсьен рассердился, ворчал и явно хотел, чтобы я свалила.

Просто сохраняй спокойствие.

– С чем?

Да, очень гладко, Эм. Очень.

Он сделал вдох, медленный и долгий, будто имел дело с идиоткой. Признаться, в этот момент именно таковой я себя и ощущала.

– Закончила осматриваться? – Это прозвучало любезно, словно вскоре он собирался предложить мне выпить чаю.

Черт подери, я ведь играла воинственную принцессу. Она-то никогда не волновалась. *Обнаружь в себе это ушедшее достоинство, Эм.*

– Да.

– Не станешь запрашивать тур?

О, это было мило.

– Нет, спасибо. Насмотрелась уже.

Но он не сдвинулся с места. Мне пришлось бы обойти его, чтобы выйти. Я не хотела подвергать себя подобному унижению. Вскинула брови и посмотрела на него с вопросом: он вообще собирается убраться с моего пути?

Похоже, нет. Люсьен уставился на меня пристальным, бескомпромиссным взглядом. Затем его глаза, всего на долю секунды, прошлись по моему телу. Я ощутила покалывание в кончиках пальцев. Выглядев раздраженным, он хмыкнул и вернулся к созерцанию моего лица. Теперь он казался больше разозленным на себя, чем на меня.

Тем не менее это не особенно улучшило мое настроение.

– А ты закончил?

– Закончил?

Я сладко улыбнулась.

– Пялиться.

Он сделал паузу, а когда моргнул, его невероятно длинные ресницы взметнулись вверх. В его голове как будто погас свет, и по лицу расплылась медленная, легкая улыбка. Это преобразило его. Из задумчивого дикаря в красивого мужчину.

Лед в его взгляде растаял, превратив зеленые глаза в полупрозрачное морское стекло. Этот взор притягивал меня, я не могла от него оторваться, пусть даже по моему позвоночнику пробежала предостерегающая дрожь – стоило задуматься об этой злой улыбочке.

Он заговорил глубоким медовым голосом:

– А каков приемлемый лимит времени? Как долго пялилась ты вчера вечером?

О, нет, нет, нет.

Кровь отлила от моего лица горячими волнами ужаса. С губ сорвался сдавленный звук.

Люсьен наклонился, настолько близко, что я уловила запах горького шоколада и сладких апельсинов. Почему он обязательно должен был пахнуть десертом? А звучать еще лучше – будто тебя обволакивают горячие сливки и мед.

– Тебе понравилось то, что ты увидела? – Вопрос пробежал по моей коже, вонзился в кости мягкой лаской, которая побудила меня ответить «да».

Прежде чем я успела это сделать, он продолжил ровным

голосом, с оттенком цинизма:

– Или ты постоянно за всеми подглядываешь?

Мои глаза распахнулись. Я и не поняла, что закрыла их. Или что он подошел так близко. Я могла бы протянуть руку и прикоснуться к нему, если бы захотела. Провести ладонями по твердой груди... но тут я поняла, что он сказал. Вновь услышала пренебрежение, язвительность в его голосе.

Чистый прилив гнева хлынул наружу. Ведь еще одна вещь стала совершенно ясной.

– Ты с самого начала знал, что я там.

Он даже ухом не повел.

– Конечно, знал.

Я не хотела находить это возбуждающим или горячим. Но я находила. Черт.

Но я была актрисой. И могла притвориться.

– Что ж, тогда считаю необходимым спросить: ты действительно думал, что я откажусь от столь щедро предоставленного шоу? – Когда он удивленно моргнул, я укоризненно хмыкнула. – Кто бы мог подумать, что ты эксгибиционист. Скажи-ка... ты завелся, зная, что я смотрю? Или сошел бы любой наблюдатель?

Люсьен рассмеялся, будто не мог поверить в мою дерзость, но она ему вроде как понравилась. Взгляд опустил на мой рот. И все стало как в тумане, воздух между нами потяжелел. Рокот его голоса пробежал мурашками по моей коже, коснулся моих дрожащих бедер.

– Ты и правда хочешь, чтобы я ответил на этот вопрос, Эм? Зная, что тебе может не понравиться мой ответ?

Ох уж эта его самоуверенность. Я вздохнула, готовая поставить его на место. Зеленые глаза мерцали горячими искрами, словно он хотел, чтобы я набросилась на него, ведь тогда это послужило бы отличным оправданием его собственного желания сделать то же самое.

Но представляла я не насилие. А секс. Неистовый, потный, яростный...

Мои распутные мысли прервал ритмичный, веселый голос:

– Как замечательно видеть, что вы так хорошо ладите.

Как громом пораженные, мы оба выпрямились и повернулись на звук.

Похожая на темноволосую ведьму Аэндору⁴⁶, Амалия стояла в открытом дверном проеме с легкой улыбкой на тонких ярко-розовых губах.

– Перестань тяжело дышать над нашей гостьей, Титу́.

Когда он низко зарычал, она улыбнулась шире.

– Боже, как же ты всполошился. Возможно, вам обоим стоит немножко остыть в бассейне.

С этими словами она развернулась и побрела прочь, оставив нас наедине, чтобы мы могли обмениваться долгими бес-

⁴⁶ Аэндорская волшебница – персонаж Ветхого Завета, колдунья из Аэндора, вызвавшая по просьбе царя Саула накануне решающей битвы дух покойного пророка Самуила для предсказания судьбы.

покойными взглядами. После этого Люсьен ретировался. Как только он ушел, мои плечи опустились, и я судорожно вздохнула. Этот мужчина слишком хорош. И Амалия оказалась права. Для того чтобы остыть, мне определенно требовался долгий заплыв.

Глава седьмая

Люсьен

Что там говорят о самых продуманных планах? Я провалил свой план держаться подальше от Эммы к чертям собачьим. Хуже того, Мама́ поймала нас... за обсуждением... и подумала, что знает что-то, чего на самом деле не знала. И я понял, что теперь она станет просто невыносимой.

Я месил тесто, проталкивая его ладонями, а затем снова и снова подминал прохладную, пружинящую массу пальцами. Это гипнотизировало. Я в этом нуждался.

Когда моей жизнью был хоккей, я выплескивал свое разочарование на льду. Даже если приходилось, зашнуровав коньки, идти туда одному. Я мог проводить там часы, просто катаясь.

Не в силах справиться с собой, я закрыл глаза и погрузился в воспоминания. Я почти чувствовал морозный воздух на своем лице, легкое скольжение коньков. Почти мог слышать стук клюшки по льду, ощущение удара по шайбе.

Грудь сдавило. Сильно.

Черт.

Открыв глаза, я вернулся к замешиванию теста, поднимал его и с силой шлепал о стол. Я выбрал дрожжевой хлеб для

сэндвичей, зная, что тесто потребует много времени на замес, чтобы получилась клейковина.

С некоторых пор это стало моей терапией. Выпечка и, что менее ожидаемо, готовка. Точность и концентрация, необходимые для создания чего-то действительно исключительно-го, переполняли мой мозг и не оставляли места для других темных извращенных мыслей. По крайней мере, на какое-то время.

Но я не мог выкинуть Эмму Марон из головы. И это стало проблемой. Я сам виноват, что продолжил с ней общаться. Но что я мог сделать, когда вошел в свой временный дом и обнаружил волшебную принцессу, озирающуюся по сторонам с широко раскрытыми голубыми глазами? Я должен был прогнать ее с моей территории. Мне казалось, она легко испугается и убежит.

Вместо этого она раскрыла мой блеф и заставила меня желать ее еще больше. Она хотела знать, имеет ли значение, кто именно видел меня голым. Как будто могли возникнуть сомнения.

Я заметил ее, стоявшую на балкончике, в тот же момент, как вышел к бассейну. Испытал легкий шок, но это меня не остановило. Знание того, что она наблюдает, вызывало возбуждение, легкий трепет в моей спокойной, размеренной жизни. Я даже подыграл ей, выйдя из бассейна так, чтобы она все увидела. Меня это не завело, не совсем. Прошлой ночью у меня на сердце лежала слишком большая тяжесть

старых воспоминаний. Но этот момент вызвал нечто другое, нечто выходящее за пределы кипящей ярости и разочарования, которые я обычно носил с собой.

Когда я поднял взгляд и обнаружил, что она ушла, я почему-то разочаровался. Глупо. Несмотря на наши горячие дискуссии, я не собирался предпринимать что-то в отношении Эммы. Просто хотел быть один.

Да уж, я стал настоящей Гретой Гárбо⁴⁷. А еще лжецом.

Правда едва успела уложиться в голове, как в кухню неспешно вошел Сэл в лилово-голубом шелковом кафтане, точно таком же, какой сегодня надела Амалия.

– Ты должен перестать одеваться как Мамí, – сказал я вместо приветствия. – Это выносит мне мозг.

Он остановился по другую сторону стойки.

– Только не говори, что у тебя проблемы с мужчинами, у которых потрясающий вкус в одежде.

– Прошу тебя. Кто привез тебе то несоизмеримо дорогое бананово-желтое платье с драпировкой, которое тебе так захотелось надеть, когда мы тусовались в Париже пять лет назад? Учитывая, что его сказочность – это спорный вопрос.

Взгляд Сэла, выражавший отвращение, почти заставил меня улыбнуться.

– Только ты мог назвать великолепный шедевр от Tadashi Shoji несоизмеримо дорогим бананово-желтым платьем с

⁴⁷ Грета Гárбо – шведская и американская актриса. В тридцать шесть лет она оставила свою карьеру, начав вести уединенный образ жизни.

драпировкой. Право, Люк, это неуважение.

– Оно было драпированным и желтым.

– Ох, – драматично вздохнул Сэл, а затем глянул на меня. – Я не одеваюсь как Амалия.

– Еще как одеваешься. Совершенно точно, как сказала бы Амалия. – Я взглянул на него, прежде чем вернуться к тесту. – У тебя даже тот же оттенок помады, что она носит сегодня.

Сэл посмотрел на отражение в висящем медном котелке, а затем нахмурился.

– Вот дерьмо. Ты прав. Мы сливаемся.

– Я не смогу сейчас справиться с двумя Мамй. Мне и одной хватает.

Его смех прозвучал самоуничижительно, поскольку мы оба знали силу Мамй – даже не пытаясь, она умеет вовлечь в свой мир.

– Ладно. Оставлю Пуччи Амалии. Но я не откажусь от своих Дольче или Шанель.

– Никого, кроме Шанель, не знаю.

– Но знаешь Шанель.

– А разве кто-то не знает? – Я решил не упоминать, что Кассандра любила все, что касалось Шанель, – слава богу, не избранный парфюм Амалии – и я получал достаточно счетов, чтобы знать название модного дома и побаиваться его. Кассандра любила шопинг. Очень.

Это стало облегчением – понять, что я не скучаю по ней.

Даже по воспоминаниям. Я с удовлетворением шлепнул тесто о стол, а затем посмотрел на Сэла. Я знал его полжизни, и в то время, как я превращался в тень самого себя, он нашел свое место в мире.

Мои пальцы погрузились в гладкую, упругую массу.

– Ты знаешь себя, Салли, и нравишься себе таким, какой ты есть. Это редкость.

Как только я произнес эти слова, то почувствовал себя разоблаченным. Неприкрытым. Сдерживая гримасу, я сосредоточился на своей задаче, однако кожей ощутил его молчаливую жалость. Она проникла в мои легкие, словно кислая вонь подгоревшего молока.

Но когда я поднял взгляд, то обнаружил, что глаза Сэла полны понимания и привязанности. Это заставило меня понять, что мы больше похожи на братьев, чем кто-то из нас когда-либо признавал.

– Люк, тебе никогда не приходило в голову, что я обрел эту уверенность отчасти благодаря тебе?

Потрясенный, я покачал головой.

Сэл слабо улыбнулся.

– Знаешь, для такого странного мальчика, как я, то, что здоровенный хоккеист принял его без вопросов, значило едва ли не все. То, что в любой момент, если бы кто-то не так посмотрел на меня, ты был готов броситься в атаку.

Я тяжело сглотнул.

– Люди иногда полные придурки. Я не мог стоять в сто-

роне и позволять кому-то издеваться над тобой.

– Знаю. В этом и смысл, Люк. Никто из нас не живет в вакууме. Иногда нам приходится принимать поддержку других.

Черт.

Я уставился на столешницу, не зная, что сказать.

Момент растянулся, а затем оборвался так незаметно, будто никаких слов и не было. Сэл снова стал напевать и наблюдать, как я работаю с тестом.

– Ты что-то хотел? – спросил я, зная, что они с Амалией объединились против меня в вопросе об Эмме.

Доказывая, что я прав, Сэл пожал плечами и расправил рукава своего кафтана.

– Думаю, тебе интересно узнать, как прошел завтрак сегодня утром.

Завтрак Сэла с Эммой. Мой пульс против воли участился.

– Нет.

Сэл отнесся к этой лжи с должным уважением.

– Твоя девчушка не любит улитки.

– Она не моя... Ей не понравились улитки? – Это не должно было расстраивать меня. О вкусах не спорят. Людям нравится разное. Но... ей не понравились мои улитки.

Сэл взял крекер с гаудой и розмарином с подноса, который я остужал.

– Она не любит изюм. Но йогурт она поглощала со страстью, близкой к оргазму.

Нижняя часть моего пресса напряглась. Мне вдруг стало обидно, что именно Сэл увидел эту картину. Сам виноват, черт меня дерит. Вместо того чтобы самому доставить корзину, я послал его.

Я сосредоточился на тесте и неоргазмической информации, которую мне дал Сэл.

– Значит, никакого изюма.

Что тогда? Круассан? Шоколатин?⁴⁸ Шоссон?⁴⁹

– Ей также понравились фрукты, – добавил Сэл, вторгаясь в мои мысли. Он усмехнулся, жуя крекер. – Хотя ты едва ли сможешь присвоить себе заслуги за них.

Наблюдай, приятель.

Я выбирал эти фрукты, мыл их, нарезал идеально ровными, тонкими ломтиками. Каждый кусочек, который она положила себе в рот, каждый стон удовольствия, изданный ею, – все благодаря мне. И, черт возьми, это так сильно завело меня, что даже руки задрожали.

Ей понравились фрукты. И все же я решил попробовать сделать шоссоны. Меня бы поразило, если бы оказалось, что эта женщина не любит яблочные турноверы.

– Замышляешь очередное кулинарное соображение, не так ли? – Сэл украл еще один крекер.

⁴⁸ Шоколатин – французское хлебобулочное изделие с шоколадом. Представляет собой ролл из слоеного теста с шоколадной начинкой.

⁴⁹ Шоссоны – слоеные пирожки с фруктовой начинкой, чаще всего из яблочного пюре.

– Хватит лопать. Они для обеда.

– О, и что же ты подашь с ними?

– Нарезанные яблоки и груши, лавандовый мед и сыр. Томатный суп... – Я заметил самодовольное лицо Сэла и впился в него взглядом. – Знаешь что? Сам готовь себе обед.

– Кто-то у нас ворчун.

– Хм-м.

– Может, тебе стоит пойти поплавать?

– Может, тебе стоит пойти на?..

– Тише, тише, здоровяк. – На этот раз Сэл ухватил грушу. – Мы оба знаем, что ты такой сварливый, потому что завелся.

– Ты как будто жить не хочешь.

– Амалия убьет тебя, если хоть волосок с моей головы упадет, так что, думаю, я в безопасности.

– Даже не рассчитывай на это.

Сэл закатил глаза, совсем не испугавшись.

– Да брось. Ты же просто зефирка внутри, Оз. В людях, которые пекут так, как ты, не может быть ничего, кроме совершенно милого, доброго сердца.

Зарывав, я бросил тесто на стол и молча сосчитал до десяти. Это место должно было стать убежищем от стресса. Но меня окружили бабушка, игравшая в сваху, актриса, доводившая меня до эксгибиционизма, и модный стилист, который действовал мне на нервы.

Сэл перебрасывал грушу из руки в руку, как мяч.

– Зачем ты отрицаешь, что хочешь ее?

Я перехватил грушу и положил ее на столешницу.

– А ты видишь, что я отрицаю?

Это его проняло. Он на секунду застыл в замешательстве.

– Черт, тогда в чем проблема?

В столь многом.

– С такими женщинами остаются... – Навсегда. – Но я в таком не заинтересован. И, поверь мне, она тоже не заинтересована в том, что я могу ей предложить.

– Значит, ты собираешься торчать тут все время, избивая это несчастное тесто?

– Ар-р. – Кухня вдруг показалась ничтожно маленькой. Я расправил плечи, но легче не стало. К черту. – Хочешь свалить отсюда? Выпить?

Идеально выщипанные брови Сэла изогнулись дугой.

– Скоро обед.

Я развязал фартук и повесил его на крючок у кладовой.

– Амалия и Эмма придумают, как себя обслужить.

Одна только мысль о маленькой мисс Шпионке, вторгающейся в мою кухню, обожгла кожу, будто пламя от взорвавшейся духовки. Я снова повел плечами.

– Ты идешь?

Глава восьмая

Люсьен

Урок усвоен: никогда нельзя недооценивать Сэла. Он такой же скользкий, как его помпадур.

Мы направлялись к передней части дома, когда столкнулись с Эммой. Она закончила плавать – о чем я изо всех сил старался не думать – и возвращалась в свое бунгало. Но помешало ли это Сэлу позвать ее? Нисколько. Он сделал это с едва скрываемым удовольствием.

Это также не помешало ему пригласить ее пообедать с нами. Он чертовски хорошо знал, что я пытаюсь избегать ее. Однако грубить и протестовать мне не хотелось. Поэтому, когда взгляд ее темно-синих глаз, в котором сквозило сомнение насчет того, хочу ли я, чтобы она пошла с нами, метнулся к моему, я почувствовал себя обязанным смириться и настоять на том, чтобы она присоединилась.

Так мы оказались в моей любимой забегаловке, где готовили гамбургеры и милкшейки, а из окон открывался вид на бледный песчаный пляж и ярко-голубой океан за его пределами. Среди любителей пляжного отдыха и серферов Эмма выделялась как мини-солнце, привлекая жадные или любопытные взгляды. Она казалась беззащитной. Я не знал, узнал

ли ее кто-то из них – она надела большие белые солнцезащитные очки и широкую белую шляпу с желтыми маргаритками. Это могло бы выглядеть нелепо, но, как и у Сэла, у нее был свой собственный, подходящий ей стиль.

Сэла я мог игнорировать запросто. Но с Эммой дела обстояли иначе. Я чувствовал ее, будто она постоянно водила своей тонкой рукой по моей коже. Это чертовски нервировало.

Кожу защипало, когда она поставила поднос на стол и села рядом со мной, чтобы с удовлетворенным вздохом посмотреть на океан.

– Я скучала по Южной Калифорнии.

– Когда ты была здесь в последний раз? – спросил я.

– Восемь месяцев назад. – Ее пухлые губки криво изогнулись. – Не так давно, знаю. Но ощущается иначе. – Я не мог видеть ее глаз за очками, но чувствовал ее взгляд. – Что насчет тебя? Ты родился в Калифорнии?

Обсуждение моей прежней жизни – довольно щекотливая тема. Но она, очевидно, понятия не имела, кто я такой, и знание того, где я живу, ничего бы не изменило.

– Я вырос в Эванстоне, штат Иллинойс. Мой отец, сын Амалии, был куратором Художественного института Чикаго. Он встретил мою маму в свой первый год обучения. Она специализировалась на реставрации живописи.

– Ух ты.

– Ага.

Я вырос среди искусства и красоты, и мои родители ожидали, что я пойду по их академическим стопам. И все же они и глазом не моргнули, когда стало понятно, что я выберу хоккей. Они поощряли это, ведь я нашел свою страсть.

– Я жил то там, то сям. Например, в Вашингтоне. Последнюю пару лет.

– Довольная серьезная перемена.

Я знал, к чему она ведет. Почему я уехал? Что я там делал? Я увиливал как мог.

– Так вышло. Амалии требовалась помощь.

Какая же большая, неуклюжая ложь, Оз.

Я нуждался в Амалии намного больше, чем она во мне. Мне было двадцать восемь лет, и я побежал к бабуле зализывать раны.

К счастью, Сэл наконец забрал свой заказ и присоединился к нам.

– Бургеры и пиво. – Он поставил поднос. – Подумать только, мы отказались от томатного супа и сырной тарелки.

– Ты мог бы не идти.

Я послал ему долгий красноречивый взгляд, который он проигнорировал.

– И пропустил бы все это?

«Все это» сопровождалось взмахом руки между мной и Эммой, а затем, очень слабенько, в сторону еды. Скрытность никогда не была отличительной чертой Сэла.

Эмма нахмурилась, видимо не заметив откровенной вой-

ны взглядов между мной и Сэлом.

– Мы пропустили обед? Теперь я чувствую себя неловко. Вся еда в Роузмонте просто восхитительна, и мне не хочется думать, что хоть что-то пропадет.

Ну разве это не безумно приятно? У меня возникло желание выбросить наши гамбургеры в мусорное ведро и утащить ее домой, чтобы накормить.

Я хмыкнул и сделал глоток пива из бутылки.

– Амалия все съест.

Эмма слегка смягчилась. Но небольшая морщинка между ее тонкими бровями все же осталась.

– Я слышала, шеф-повар весьма темпераментный.

Сэл подавился гамбургером. Я не делал ставок на то, кто сообщил Эмме эту занимательную информацию.

Я выстрелил в Сэла косым взглядом, прежде чем ответить:

– Он может таким быть.

– Ты встречал его?

Было бы неплохо все прояснить. Только вот она могла не захотеть есть еду, которую приготовил я. Я не мог назвать ее своей фанаткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.